

Рк Тз (24к)

С 42

Б. В. Скитский.

ГЕТМАНЩИНА

НАКАНУНЕ ЕЕ ПАДЕНИЯ

(ОЧЕРКИ БЫТА)

ВЛАДИКАВКАЗ

1928 г.

6965 КРАТКИЙ ПАСПОРТ КНИГИ +
Шифр Т3/24ч с-Ч2 ИНВ. № 2482048
Автор Скилский Б. В.
Название Гетманщина и как
она ее поделилась. (Очерк истории)

Место, год издания Владивосток 1928г.
Кол-во стр. 57с.

-" - отд. листов _____

-" - иллюстраций _____

-" - карт _____

-" - схем _____

Том _____ часть _____ вып. _____

Конволют _____

Примечание: *170 листов картонажа*

*Всего 5.09.
902*

8.02.- 2011
9.02.- Терещенко (сост)
—

73/296
C 42

В. В. Скитский.

ГЕТМАНЩИНА

НАКАНУНЕ ЕЕ ПАДЕНИЯ

(ОЧЕРКИ БЫТА)

Н. Скитский

ВЛАДИКАВКАЗ
1928 г.

T3/944.453

+T59/296.1

	<p>Б. В. Скитский. Гетманщина накануне ее падения. Окрлito № 156. Книга набрана и отпе- чатана в издательстве „Сердало“ И. А. О. в ко- личестве 300 экз.</p>	
--	--	--

ГЕТМАНЩИНА НАКАНУНЕ ЕЕ ПАДЕНИЯ. (ОЧЕРКИ БЫТА).

Период времени от 50-го и до половины 80-х г.г. XVIII в., период жизни последнего поколения, видевшего самостоятельную Гетманщину, имеет свою особую физиономию и является знаменательным в истории этого края.

К этому времени закончился период первоначального накопления капитала, закончился тот процесс, который, по жестокой иронии судьбы, украинскому народу пришлось пережить два раза, так как первые его успехи были казацкой саблей в пору великой революции 17 в. радикально вычеркнуты.

В этот же период украинский народ впервые занес ногу на следующую ступень своего существования, заложил основы быта, соответствующего стадии развитого торгового капитализма.

Украинский народ в данный период окончательно завершил столетний процесс общественного расслоения и аристократизации, выделив на одном полюсе новую привилегированную шляхту (из казацкой старшины) и высшее духовенство, а на другом—бедную бесправную массу казачества и полукрепостного поспольства, создав, таким образом, характерную структуру сословного общества „старого режима“.

Аристократический строй убил элементы старого демократического самоуправления. Носители торгового капитала создали централизованный бюрократический аппарат управления во главе с гетманом, проявившим тенденцию к установлению монархической власти, подобной власти версальского и петергофского дворов. Для охвата все более усложнившихся, с ростом торгового капитала, общественных отношений, бюрократический аппарат реформируется в духе реформ „просвещенной монархии“. Увеличивается его состав, отделяется администрация от суда, учреждаются новые судебные установления, делаются попытки кодификации права, организуются финансовые управлении; в правительском аппарате вводится известная четкость и отчетность в делопроизводстве¹⁾. Спешное конструирование полицейской государственности создало бы гарантию господства национальной аристо-

¹⁾ Так, напр., суд д. б. представлять в Генеральную Войсковую Канцелярию ведомость о движении дел за отдельные месяцы, о числе заседаний, о лицах, присутствовавших при разборе дел, отмечать количество разрешенных и не разрешенных жалоб и указывать причины замедления в судопроизводстве. См. дела ген. войск. канц. (Киевск. центр. арх. древних актов №№ 2826, 2828-31, 6118 и др.).

кратии над обездоленными массами и освободило бы ее от необходимости опираться на чужеземную великороссийскую силу.

Наконец, в области духовной жизни нравы феодального времени, в условиях новой экономической жизни, стали трансформироваться. Неудержимая импульсивность натур, не знающих удержку и границ, как в стяжаниях, так и в мотовстве, натур произвольственных и насильнических, сменяется другой психологией, свойственной буржуазному складу жизни. На сцену выступают аккуратные, трудолюбивые рачительные хозяева, знающие цену деньгам и ведущие им точный учет, выступают люди, которые начинают понимать практическое значение образования, ценят и усваивают его. Это была пора, когда впервые косые лучи з.-европейской буржуазной культуры стали золотить верхушки украинского общества.

В области идеологии рассматриваемая эпоха характеризуется философской деятельностью Г. Сковороды, выступившего идеологом той тонкой мелко-собственнической прослойки, которая очутилась между шляхетством и крепостным крестьянством, а именно казачества, мещанства, сельского духовенства и тогдашней народной интеллигенцией, „мандрованых дьяков“ разной квалификации. Эти элементы с трудом отстаивали свое существование и даже обречены были на гибель (казчество).

В своей социальной идеологии Сковорода отразил и вражду этого класса к растущему торговому капиталу и бессилие его к социальной борьбе в обстановке усиления дворянской государственности. Отсюда квиетическая проповедь Сковороды довольства малым, сведение социального вопроса к вопросу индивидуального морального усовершенствования и понимание самого морального идеала в духе буржуазного пуританизма, сводящегося к требованиям честности („бойся чужого добра“), умеренности, воздержания, терпения, милосердия трудолюбия¹⁾.

Вместе с тем, отмеченная социальная эволюция подготовила почву к слиянию с российским общественным телом, так что переход к новым политическим и культурным условиям существования с 1782 г. когда на Украину распространены были общероссийские государственные учреждения, для людей рассматриваемой эпохи уже оказался не чувствительным и не вызвал той оппозиции, какая чувствовалась еще в I-ой половине 18 века, когда боялись, что с потерей автономии „нас и куры загребут“.

¹⁾ Такое содержание понятия морального идеала у Сковороды сближает его с идеологом итальянской буржуазии XV в., Альберти, и американской, XVIII в., В. Франклином. Ср.: Зомбарт, Буржуа, VIII глава. О буржуазном характере пуританской морали ср.: Вебер. История хозяйства гл. IV, § 8.

Хозяйственный быт Гетманщины накануне ее падения.

Со средины 18 в. заживают раны, нанесенные торговому капиталу на Украине казацкой революцией, и торговый капитал в Гетманщине начинает быстро развиваться. Не только возобновилась старая торговля и ее пути, но завязываются новые торговые связи, складываются новые организационные ее формы, увеличивается ее об'ем и растет ее значение в народной жизни.

С одной стороны, Гетманщина завязала непосредственную торговлю с Западом (Польшей, Германией, даже Италией) и с Югом (Крымом), с другой стороны, включение Гетманщины в орбиту российского торгового капитала содействовало лишь расширению ее торговых возможностей. Сама Россия во 2-ой половине 18 в., в связи с переходом З. Европы к обрабатывающей промышленности, расширила свои торговые сношения, поставляя туда сырье и покупая там фабрикаты и колониальные товары. Через Российские порты Балтийского моря (Ригу и Петербург) втянута была и Гетманщина в эту торговлю. Расширению торговых возможностей в Гетманщине содействовал также переход центральной части России к обрабатывающей промышленности.

Главным предметом вывоза в Россию и заграницу были пенька, конопляное масло, табак, который шел кроме России в Польшу и Курляндию, рогатый скот (в Силезию), овчины и решитоловские смушки (в Россию, Польшу, Силезию), а также воск и мед. Даже некоторые продукты обрабатывающей промышленности, как холст и канаты шли за пределы Гетманщины ¹⁾.

В Крым отпускали табак и водку ²⁾. Из России и заграницы шли фабрикаты, „красный“ товар, металлические изделия, вина, бакалея и вообще продукты роскоши, поскольку главным покупателем была ботатая казацкая старшина. Из Крыма вывозили южные фрукты (вино-град, сливы, волошские орехи, рис, вино, сафьян и пр. ³⁾).

Внешним показателем торгового оживления был значительный рост количества ярмарок. В 1722 г. в Гетманщине было зарегистрировано 35 ярмарок, в конце же 18 в. в одной только Полтавщине их было 250 ⁴⁾.

На ярмарках в глазных торговых центрах: в Стародубе, Кропивнице, Н.-Северске, Ромнах, Нежине происходил оживленный товаро-обмен между русскими купцами, привозившими товары своей и ино-

¹⁾ Шафонский. Черниговское наместничество, описанное в 1786 г., Изд. Киев 1851 г. § 10.

²⁾ Дневные записки малороссийского подскарбия генерального Я. Маркевича. М. 1859 г. т. II, 205.

³⁾ ibi 202.

⁴⁾ М. Слабченко. Организация хозяйства Украины 111. 120.

земной промышленности и украинскими скупщиками, которые привозили продукты своей страны. Размеры торговых оборотов были так значительны по тому времени, что, например, жители г. Кролевца отзывались о своей ярмарке, как, „не уездной, а всемирной, велико-купеческой“.

Роль украинского купца в этих торговых оборотах была сравнительно скромная и носила вспомогательный характер. Роль его сводилась к скупке у жителей окрестных, сел главным образом, конопляного масла и пеньки, (которую они к тому же сами счищали и расчесывали), а также дегтя, смолы, поташа, рогож, полотна, деревянной посуды, веревок и водки. Все это они потом оптом продавали российским купцам или поставляли во внешние порты (Ригу и Петербург) или на внутренние пристани. С другой стороны, закупив оптом на ярмарках „шленские“ и Московские товары, они продавали их на месте в лавках или развозили потом по всей стране ¹⁾.

Нужно подчеркнуть, что такой торговлей занимались на ряду с купечеством также казаки и посполитые. Опись 1781 г. гор. Почелы свидетельствует: „жители сего города, как казаки, так и посполитые в хлебопашестве упражняются мало, а все они заняты другими различными промыслами“, и далее опись подробно излагает торговую их деятельность ²⁾. В силу этого купеческий класс в Гетманщине был сравнительно незначителен. Крупных купцов, если не считать Нежинских греков, было очень мало. Так, Пащенко свидетельствует, что в гор. Чернигове „купцов, торгующих красным товаром было—2, из коих у первого более 200.000 рублей, товары он покупает в Гданське, в Цесарии и в Виене, а продаёт оптом (в разных городах); у другого— капиталу тысяч до 20. Лавочников, торгующих различными мелкими товарами—19“ ³⁾. Так же и в гор. Мглинё, согласно описи 1871 г., капиталы тамошних купцов равнялись 3-4 тысячам, тогда как капиталы Калужских купцов доходили до 50 тысяч ⁴⁾. Шафонский, давая общую характеристику торговли в Гетманщине говорит: „вся торговля красным и мелким товаром в руках великокорсийских купцов. Нет ни одного купца (из природных малороссиян), который бы имел собственного денежного капитала тысяч 30“ ⁵⁾.

Но все же и в этой убогой среде украинского купечества в рассматриваемый период, стали появляться новые организационные формы торговли, а именно, стали складываться торговые компании для

¹⁾ См. описание ярмар. торга по описи 1781 г. означенных городов у Лазаревского I ст. 137, 213, 242, 303.

²⁾ Лазаревский I ст. 304.

³⁾ Пащенко. Описание Черниговского наместничества 1781 г. изд. Чернигов 1862 г.

⁴⁾ Опись гор. Мглины 1781 г. приведена у Лазаревского т. I. ст. 336.

⁵⁾ Шафонский стр. 21..

составления больших капиталов, стали развиваться кредитные операции, и, наконец, появился институт маклеров, как частных, так и (с 1760 г.) казенных¹⁾.

Торговый капитал широко раскинул свои щупальцы по стране и втягивал в торговый оборот даже глухие места. Лишь самые примитивные потребности удовлетворялись домашней промышленностью. У населения создалась привычка покупать в городе на базарах, на ярмарках, в постоянных лавках. Число лавок в городах было очень значительно. Очевидно, они обслуживали не только незначительное по количеству городское население, но и окрестных жителей: помещиков и крестьян. Так например, в Стародубе по описи 1781 г. было 212 лавок²⁾, (если не считать 143 „шинков“), в Нежине—214 лавок³⁾ (и 44 шинка), в Ново-Северске? 127 лавок, в Ромнах 152⁴⁾ и т. д. В любом городе можно было найти предметы первой необходимости и предметы роскоши: венгерские и всякие иные вина, шелк, бархат и пр.

Наличие широкой торговой деятельности предполагает значительные успехи в процессе дифференциации народного труда, выделение обрабатывающей промышленности в специальную отрасль труда и рост промышленного населения страны. И действительно, промышленность в Гетманщине развивалась в двух формах. Во первых, в форме городского мелкого ремесла, организованного, по старой украинской традиции, в цехи и обслуживающего потребности как местных жителей, так и соседних деревень. В составе городского населения главное место занимают ремесленники. Так например, в Стародубе, по описи 1781 г., на 863 двора, мастеров числилось 344 души. Даже в маленькой Погаре насчитывалось в то время 173 ремесленника. Для некоторых городов земледелие перестало играть роль основного занятия. О городе Почепе, описание 1781 г. говорит, „жители сего города как казаки, так и посполитые в хлебопашестве упражняются мало, а все заняты другими разными промыслами“⁵⁾. Жители города Погары „по большей части упражняются в промыслах“⁶⁾.

Городское ремесло имело своей задачей удовлетворение элементарнейших нужд широких народных масс, о чем можно судить по составу цехов. Так, в Стародубе были следующие виды цеховой промышленности: был калачицкий цех, резницкий, олейницкий, кровецкий (с кушнирским), шевский (с кожевницким), ткацкий, шапovalьский,

¹⁾ см. Слабченко III гл. 3.

²⁾ Лазаревский I 136.

³⁾ ibi II 65.

⁴⁾ Труды XII Археол. съезда II 303.

⁵⁾ Лазаревский I 304.

⁶⁾ ibi 242.

ковальский (с котлярским) и гончарский. Приблизительно те же виды ремесленной промышленности существовали в других городах, что показывает, насколько развалились основы натурального хозяйства страны, как глубоко в народную жизнь проникло товарное хозяйство. Правда, потребности более комфорtabельного быта не могли быть удовлетворены местной промышленностью. Шафонский свидетельствует: „с великой нуждой можно какую нибудь порядочную вещь получить и должно почти все из Москвы и Петербурга достать“¹⁾.

И действительно, все более состоятельное пользовалось всяkim случаем, чтобы закупить нужные вещи в столичных городах. Дневники Ханенко и Маркевича полны отмечок о покупках в Москве и Петербурге или непосредственно или через отправляющихся туда знакомых, которым давалось масса подобного рода поручений. Так, из посуды Маркевич и Ханенко покупали ложки и тарелки, из металлических изделий замки, железные дверцы, заслонки, гвозди для штукатурки; из медных: чайники, камфорки; для одежды: сукна, полотно, нитки, меха; для оклейки комнат обои, из мебели: стулья²⁾.

Другой формой промышленности была успешно развивавшаяся мануфактурная промышленность, свидетельствующая о росте внутреннего рынка и о росте капиталистических отношений. Росли как грибы такие промышленные предприятия, как суконные и парусиновые фабрики, железоделательные заводы, гуты (стеклянные заводы), буты (поташные) цегельные (кирпичные), мануфактуры, выделяющие хрусталь и фарфор; были даже фабрики зеркал. Эти заводы, по тому времени, бывали даже значительных размеров. Так например, парусиновая фабрика в д. Дроглаевке в 1871 г. описана так: „ завод соивается из 6 нарочитых корпусов каменных и особо о 2-х этажах доме о 13 покоях; в одних корпусах 70 станов, где делается парусина; работы здесь производятся при особом мастере, наемными людьми, коих бывает в день до 300 персон обоего пола. Выходит в год парусинного полотна длиной в 50 арш. более 800 штук, и производя в продаже каждой аршин по 14 коп., получается в год более 6000 рублей. Продают же оную из раскольничих слобод Зыбкой, Кленцов обывателям и приезжающим из великороссийских разных мест покупателям“.

Эти крупные капиталистические предприятия устраивались в деревнях местным шляхетством, единственno богатым элементом. Благодаря этому в лице шляхетства часто соединялся крупный землевладелец и промышленник. Этим и обусловлено все своеобразие социального, политического и культурного развития этой страны.

¹⁾ Шафонский ст. 10.

²⁾ Маркевич 222; Дневник генерального хорунжего Н. Ханенко 1727—1753. Изд. К. С. 1887 г. стр. 95.

ШЛЯХЕСТВО

В атмосфере развивающегося товарного хозяйства, роста спроса на сельско-хозяйственные продукты произошла в Гетманщине грандиозная мобилизация земельной собственности. К началу рассматриваемого периода этот процесс в общем был закончен. „Правдами“: заимкой, покупкой, пожалованием, а больше неправдами—насильственным захватом, обманом, угрозами и пр. и пр. казачья старшина захватила в свои руки почти все крестьянские земли; оставались не занятыми сравнительно небольшая часть ранговых земель и казачьих. Подобные процессы происходили и на Западе и в России; на Украине был необычен лишь лихорадочный темп этого роста крупного землевладения. Взять для примера хотя бы темп скупки земли С. Вакуленком, который за 4 года от 1713—1717 г. совершил 25 покупок; бывали месяцы, когда он совершал 3—4 покупки и даже в течение одного дня 2 покупки¹⁾.

Таким же темпом вели покупку земель и бунчуковый товарищ Г. А. Стороженко, и Л. Свечка, и Корниевич, Пирятинский сотник и А. Маркевич, Лубенский полковник и многие другие²⁾.

Еще интенсивнее шла борьба за землю при с'уженных возможностях в рассматриваемый период. Все знатное и родовитое, столпившееся вокруг Глуховских сфер, спешило, пользуясь властью, знакомством, дружбой, родством, захватить то, что осталось незахваченным. Так например, сын Н. Ханенко, Василий, получил универсал от К. Разумовского, в котором тот „респектуючи на то, что он в науках учинился способный“ подтвердил право владения теми землями, о которых в универсале сказано „надлежало бы отобрать и оставить в свободности“, так как они захвачены отцом явно беззаконно.³⁾

Особенностью пожалований в рассматриваемый период является пожалование „в вечное и наследственное владение“⁴⁾. „Пожалование“ в Гетманщине претерпело ту же эволюцию, что и „поместье“ в Московском государстве, превратившееся, в конце концов, в „вотчинное“ владение. Это нужно поставить в связь с отмеченными выше успехами капиталистического развития, предполагавшего право спокойного и прочного владения, как необходимой предпосылки вкладывания в землю капитала для поднятия интенсификации сельского хозяйства. Вместе с землями передавалось и жившее там населения. „Они же посполитые люди, гласила формула универсала, должны быть во всем ему (новому владельцу), послушны и всякую подданическую повинность, яко владельцу своему отдавать“⁵⁾.

¹⁾ Стороженки фамильный архив. VII т., ст. 95—8.

²⁾ ibi t. VI 756—770; t. I 50—66.

³⁾ Обозрение Румянцевской описи. Лазаревский. 1866 г. стр. 762.

⁴⁾ ibi. 284 и др.

⁵⁾ ibi 285.

В таких формах закончился процесс образования нового магнатства в Гетманщине. Собираемые оптом и в розницу, собираемые под ряд в течение нескольких поколений, неуклонно прядущих одну стяжательную нить, эти латифундии обычно представляли собой чрезвычайно причудливую мазаинку, слепленную из кусков владений, разбросанных по разным сотням и даже полкам.

Так напр., влад. ген. хорунж. Ив. Фед. Сулимы, по разделу в 1756 г. оказались лежащими и в Переясл. и в Стародуб. полках в их различных сотнях¹⁾. Они состояли из ряда сел и хуторов, населенных посполитыми людьми. К селам принадлежали огороды, „поля пахотные“, сенокосы, леса, рыбные ловли и пр. В кусте таких владений имелся „двор“ владельческий со строением, садом, гайком, левадою. Владения состояли из 2 очень неравных частей: из небольшой части, эксплоатируемой владельцем и другой, состоящих из многих сел и хуторов, где вело свое хозяйство зависимое поспольство.

Владельцы блуждали по своим владениям, переносясь из одной резиденции в другую, наблюдая за хозяйством, подтягивая управителей.

Как характерная принадлежность помещичьего владения была панская водяная мельница „с камнем мучным или камнем ступным“. Требуя значительных материальных расходов и известной организации рабочей силы по созиданию и поддержанию „гребли“, мельницы стали монопольным владением панов, являясь в их руках самым верным средством стягивания населения к этому необходимому в жизни производству и постепенного закрепощения сидящего возле „гребли“ и мельницы населения.

Крупные латифундии казачьей старшины выполняли свое назначение поставки на рынок всевозможных видов с-х продуктов.

Естественно, главным видом поставки мог быть хлеб, но отдаленность портов через кот. можно было бы его вывозить, с одной стороны, и соседство с хлебородными Российскойми губерниями, с другой, делали невозможным этот экспорт, поэтому производство зернового хлеба носило главным образом потребительский характер²⁾.

Единственным исходом из этого затруднения было превращение хлеба в водку, продукт, имевший всегда широкое потребление и на местах и удобный к экспортированию даже на отдаленные рынки. Богатые помещики охотно соглашались на поставку вина верст за 300-500³⁾. Поэтому винокурение стало главной принадлежностью всякого крупного хозяйства. Во владениях помещиков были свои шинки с арендаторами-шинкарями, которые приближали водку к населению

¹⁾ Сулимов. арх. 1884 г. № 72.

²⁾ Шафонский § 10.

³⁾ К. С. 93 кн. IV стр. 101.

Без преувеличения можно сказать, что большая часть хозяйственных помыслов владельцев вращалась около водки; цена на рожь для винокурения, если своей не хватало, количество выкуриваемого вина, цены на водку на местах и отдаленном рынке, забота о сбыте, о поставке в российские города, даже техника изготовления, количество котлов и пр. усиленно занимали самые знатные и образованные умы Гетманщины. Страницы дневников Маркевича и Ханенка наполнены подобными размышлениями, отметками о количестве проданной водки и о вырученных суммах. Главнейшая часть писем Полетики из далекого Петербурга к его жене и управителю полны тех же водочных вопросов и тревог. Насколько шляхство было поглощено этими занятиями, иллюстрирует сатира, относящаяся к 1790 г., в которой некий шляхтич Плящинский просит освободить его от звания дворянского депутата, т. к. это мешает его основному занятию шинкованию. Очевидно, сэсловные интересы, сословная часть приносилась в жертву доходу от шинка. Самым горячим пожеланием, украинского шляхства, как это видно из наставления выбранному от Малороссийской коллегии в Комиссию, 1767 г. г. Натальину, было установление монопольного права на винокурение и ходатайство чтобы „всем, против права, во вред собственный и общенародный шинкующим вина не курить и продажу запретить“.¹⁾.

Под давлением насущных интересов украинского шляхетства Гетман Разумовский в 1761 г. разрешил курить вино только богатой казачьей старшине и высшему духовенству, запретив его курить тем, „кто не имеет довольно в хлебе запаса и лесных угодий“ т. е. другими словами, всему рядовому казачеству, чтоб „в разорение не приходили“ (хотя пить им не запрещалось), мотивируя тем, что бедняки часто брали в кредит водку для розничной продажи, но продавали всем опять в кредит, что вело к банкротству и невозможности для них расплатиться с долгами. Для казачьей старшины монопольное право винокурения являлось средством к закабалению бедноты, пропивавшей свои земли и волю в панских шинках, о чём долго вспоминал народ, как „паны збывали землю у людей найбільше горілкою“.

Рост торгового спроса побуждал украинских помещиков спешно переводить свое хозяйство на рельсы работающего на рынок. Отсюда все меры к заведению интенсивных культур, к рациональной организации хозяйства. Хозяйство образцового хозяина представляло собой маленькое бюрократическое царство, сколок с большого государства. Во главе хозяйства стоял сам владелец. Он издавал приказы, которые

¹⁾ Наставление выборному от М. Коллегии в Комиссию г. Натальину и возражение депутата Г. Полетик!. М. 1858 г. стр. 13.

в „приказной книге“ записывались. Приказчик в свою очередь обязан был точной отчетностью и исполнительностью „под наказанием“ ¹⁾.

Не доверяя своей опытности, владельцы в качестве эконома — управляющего приглашали даже специалистов немцев ²⁾.

Обязанности эконома точно и строго были регламентированы. Из этого регламента видно, как напряженно было хозяйственное внимание владельца, с каким тщательным учетом велось хозяйство, имеющее своей целью прибыль и наживу. „Хлебопашество умножать“, предлагает Я. Сем. Сулима в условии по найму господаря в свою экономию в 1778 г. ³⁾. „Вписывать приход и расход хлеба и других вещей всякий день, о том рапортую в экономию к книге“. В хозяйстве ничего не должно пропадать, все должно быть рационально использовано: „варива было бы довольно в зиму, стараться как буряков, так и квашенной капусты и огурцов соленых и свежих (было бы), а что останется, то продать на деньги и вписать деньги в приходную книгу в экономии. Если в ветер ветрянная мельница будет стоять, и я, обещает эконом, не вышло мельница чтобы мололи хлеб на муку, то за всякие сутки, что пройдут без млива, платить должен штраф в экономию“. В саду должны быть проведены соответствующие работы, уничтожена во время гусеница, организована охрана фруктов. „Если не будет приложенных в сей год свиней и разной дробины в доме господском довольно, сам за то подвергаюсь ответу, если с голоду повалится либо гусь, индый, утка, курица, либо порося пропадет, то за всякую в экономию заплатив деньги, должен принять и хлесту“ обязуется управляющий. Далее эконом должен был позаботиться, чтобы засевало временно вспахана была земля, не пропущены сроки по сева „косовицы“ и севба должна быть произведена в точно установленный срок, „жныва весть спешно“ и т. д. и т. д. От самого эконома требуются все добродетели хорошего, рачительного хозяина, не пьянившегося, не покладающего рук на хозяйствской работе, за службами смотрящего и держащего их в страхе божьем. „Всякую вещь в доме господском присматривать должен, не шумел бы кто пьяный во дворе, или за двором, не вхилился бы кто от работы господской и не ел туне господского хлеба, но всякое порученное дело исполнял; людей чергой загадывать на панщину и не пить ни от кого магарычей и сам обовязываюсь не пьянствовать и не быть мне никогда пьяным да и за другими дворовыми людьми присматривать не пьянствовали бы; а буде, характерно для этого денежного века, говорится в заключении, хочай мало не устою, либо будет через мое недосмотрение порчу в хлебе, винокуре, сене, и прочей, то уплатить за трату должен я“

¹⁾ Маркевич II 202.

²⁾ У Ханенка был эконом из Риги Яков Беер. Дневник 332.

³⁾ Сулимовский арх. № 92.

Другими словами, украинское дворянство 70-х г. 18 в. проявило такую хозяйственную внимательность и хозяйственный рационализм, что им могли бы позавидовать спустя столетие их неудачливые потомки, так легко и быстро расточившие то, что с большой энергией и напряжением воли стяжали предки.

Также и Маркевич требовал четкости и точности в ведении своего хозяйства и, как он выражается, „гонял старосту за нескорую присылку месячного рапорта“¹⁾.

Интенсификация с.-х-ва находила себе выражение, в заботах о разведении садов, где разводились между прочим персики, абрикосы, бергамоты,²⁾ розы³⁾ и даже виноград в таких местностях, в каких его не знали в 19 и 20 веке. Так напр. Маркевич очень усиленно поддерживает виноградарство в Сухоносовке, около Лохвицы,⁴⁾ Сулима в Переяславском полку. В большом количестве разводят тутовое дерево⁵⁾. Фрукты экспортируют главн. обр. в Москву и Петербург. Но так как этот экспорт по техническим причинам был затруднителен, то развивался обычай приготовлять разного рода наливки, как для домашнего употребления, так и для продажи в российские столицы⁶⁾.

Так, рыцари первоначального накопления переходили на следующую ступень и становились стяжателями капиталистического типа. Результаты скоро сказывались.

Уже к началу рассматриваемого периода отдельными представителями казачьей старшины были накоплены достаточные капиталы, если судить по количеству принадлежавших им населенных дворов. Самыми богатыми людьми в 1743 г. были: Полуботко имевший (1269 дв.), Кочубей (1193), Рогузинский (520), Апостол (518), Корсак (513), Лысенко (415), Скоропадский (405), Галаган (377), Лизогуб (362), Безбородько (252), Маркевич (250)⁷⁾.

В рассматриваемый же период, как число богатых людей, так и размер их богатств выросли несоизмеримо с предыдущей эпохой.

Так например, бунчуковый товарищ А. Свечка в 1743 году имел 24 двора, а его сын П. А. Свечка в 1792 году имел уже 4945 кр. душ⁸⁾. То же случилось и с такими фамилиями, как Сулимы, Скоропады, Стороженки, Войцеховичи и, которые в 40-х год. обладали несколькими десятками дворов, а во 2-ой полов. 18 в. владали уже гро-

¹⁾ Маркевич II, 267.

²⁾ Как напр. в с. Хомутинцах около Миргорода, принадлежащего Апостолам, где был барский дом и сад с теплицами КС 93 т. 40.

³⁾ Маркевич II 352.

⁴⁾ Маркевич 269.

⁵⁾ В Яготине у Разумов. б. целая плантация—1434 тут. дер. КС. 93 т. 40

⁶⁾ Шафонский § 10.

⁷⁾ Сведения взяты из описания 1743 кр. дв., кот. владела каз. старшина. Документ приведен у Лазаревского. Очерки т. I, стр. 61—76.

⁸⁾ См. Родословец Модзалевского. Свечка.

мадными литифундиями с сотнями и тысячами зависимого люду. Кроме этого появляются совершенно новые богачи, как например, Г. А. Попетика, который в 1780 г. оставил по завещанию 3000 крестьянских дворов. Не приходится много говорить о таких внезапно разбогатевших лицах, как К. Разумовский.

Достаточно перечитать духовные завещания тогдашних магнатов, чтобы получить от одного перечня оставленного имущества чисто физическое впечатление массы этих „добр“ ¹⁾.

У Разумовского в 4 его волостях было рабочего населения (от 15—60 лет) в Батуринской—5808, Быковской—4849, Яготинской—2398, Гадяцкой—9797. Доходов с этих имений (вместе с сукон. фабрикой) в 3-х летие 1766-8 приступило 111,438 руб., а с 1769-71 г. 176,862 р. ²⁾.

Некоторой характеристикой состоятельности отдельных представителей украинской старшины могут служить случайные сведения о денежных суммах, какие были на руках. Например у Кочубея слуга украл (1744 г.) 20 тысяч рублей деньгами и „алмазных вещей“ на 10

¹⁾ Взять, напр., описание имений ген. хорунж. Ив. Ф. Сулимы в 1756 г. „в полках Стародубском, Переяславском и Киевском, мельницам, лесам, сенокосам, степам, полям и др. всяким угодиям, кои описаны и разделены равномерно“ между наследниками, взять хотя бы одну из четырех частей, которая досталась полковнику Переяславскому Симеону Сулиме: „1) В полку Переяславск. в м. Барышевке, дом старый со всем строением и з подсуседками; за городом, бровар и воскобойня с пустым плецом. За пригородком, близ валу, плец пустой, называемый Олешковский. За Киевскою брамою, урочище, на котором шинк о двух хатах руленых, з двором и левадкою. Да в той же сотне Барышевской село Сулиновка вся. В оном селе, дом новый,строен коштом. ?) полковника, з садом, с людьми, с полями, лесами, сенокосами и со всеми принадлежащими к оному селу владельческими и посполитскими грунтами и угодиями, в котором селе по описи, посполитских дворов 16, в тех хат. 20; да в оном же селе, пустых посполитских плецов загороженных 6, с принадлежащими к оным плецами, грунтами посполитскими. И до оного села с владельческим лесом 4 урочища: Сотне второй полковой, в селе Каратуне, з дворцем, млыночком и восма хатами подсуседками и с принадлежащими к оному дворцу угодиями. Гребля, на которой две клетки мельницы, в одной два камени мучных, в другой—едис коле мучное, а одно ступное з мерочницкою при одной гребле хатою. Полку Стародубскому, сотне Погарской село Михалчина Слобода, в которой два двора з строениями, садом, огородами з двома опустельми на речки Рогожце находящимися мелничками, з гумном, амбаром пашенным и солодовнею и с посполитными в оном селе людьми, которых по описи дворов 113; в тех дворах—хат 161, да пустых 2 хате, с принадлежащими к оному селу полями пахотными, сенокосами, лесами и прочими, так владельческими, яко и посполитскими угодиями и бортными деревьями: а владельческих лесов три.

Да в том же полку Стародубовском, в селе Часах, на реке Судости, гребля, на которой две клетки мельнице, одна о четырех камнях мучных, а другая о едином камене ступном. Да в полку Переяславском, в сотне Яготинской сенокосов часть, называемых Пологи. (Сул. арх. № 72).

²⁾ См. Путеш. (1774 г.) в Малороссию акад. Гольштадта и кн. Долгорукова К. С. 93 т. 41.

тысяч¹⁾. Маркевич мимоходом упоминает, сколько он брал для хозяйственных нужд и вкладывал денег в „склеп“. В 1761 г. 4/1 он взял 5 мешков в 200 руб., но 8/11 вложил два мешка, итого там оставалось 12 мешков²⁾. 18/VI 1763 г. он снова отмечает, что был в склепу и денег 1100 р. „положил в особливый подголовник“³⁾.

Если иметь в виду, что четверка лошадей стоила в то время 60 р.⁴⁾, то несомненно, что это были большие деньги, и владелец их был настоящий богач. Поэтому утверждение Шафонского, что богатых помещиков на Украине сравнительно в Великороссией, было немного⁵⁾, нужно понимать только относительно.

Скопление столь значительных материальных средств в руках представителей казачьей старшины были предпосылкой изменения внешних условий их существования.

Отслоившись в материальном и политическом отношениях от низов, казачья аристократия должна была и во внешних формах своего быта в обстановке, в одежде, нарядах и в нравах отделиться от простых людей. Впервые, в данный период, казачья старшина порвала свои традиционные связи с крестьянским бытом, с крестьянскими хатами, с крестьянскими нарядами, с элементарными формами крестьянской общежительности и стала подражать формам жизни З. Европейского богатого общества.

Влияние запада шло 2 путями; с одной стороны, с Западом знакомились непосредственно в поездках по торговым делам или во время заграничной выучки в городах Германии, Польши и Италии, с другой стороны, посредственно, через Москву и Петербург.

Украинская старшина ездила в столицы столько для развлечения, как это делало российское провинциальное дворянство, сколько по делам, то для официального представительства, то в поисках заступничества сильных мира сего в судебных тяжбах, то для выпрашивания милостей, то просто за покупками. Пребывание в Москве и Петербурге затягивалось обычно надолго, даже на несколько лет и сводилось к неустанным визитам к влиятельным лицам или даже к присутствию на парадных приемах двора, его экскурсиях и увеселениях.

И обратно, по мере усиления политического давления России на Гетманщину, все чаще и в большем количестве появлялись на Украине Великороссийские чиновники и военные люди, привозившие с собой столичную моду и вообще формы более развитого аристо-

¹⁾ Маркевич II 204

²⁾ ibi 370—371.

³⁾ Маркевич 385.

⁴⁾ Сулимовский архив 220.

⁵⁾ Шафонский стр. 21.

кратического уклада жизни. Внешний блеск столичного российского дворянства, выступавшего перед украинской аристократией в ореоле политического могущества, давал чувствовать разницу культурного состояния. При всем этом, и тяжелые обиды и булавочные уколы самолюбия¹⁾, заставляли украинскую аристократию спешить ассимилироваться с российским дворянством, слиться с ним во внешнем быту, в нравах и манерах.

В таких условиях, в рассматриваемый период стали ломаться традиции простого быта, заменяясь бытом более культурным и комфортабельным. Интересно отметить, что изменение быта верхов украинского общества началось даже ранее, чем в Великорусском. Там, по условиям политической жизни, дворяне были „выволочены“ на службу и сосредотачивались главным образом в столичных городах. В провинции и то лишь с 36-го года жили лишь инвалиды да отставные. Культурного элемента не было, общаться некому было. Болотов говорит. „Околоток наш тогда так пуст был, что никого из хороших и богатых соседей в близости к нам не было“. Жизнь текла тускло и убого. Не то было в Гетманщине. По условиям политической жизни в Гетманщине не было деления на столичное и провинциальное шляхетство. Все служилые были местным элементом. Лишь на сравнительно короткий срок они уезжали в столицу с тем, чтобы снова возвратиться домой к своим служебным обязанностям, к своему хозяйству.

Поэтому украинские богачи раньше российских провинциальных дворян учудили экономические потребности времени, ранее стали приспособлять свое хозяйство к новым экономическим условиям и ранее стали изменять облик своего быта.

В России это могло случиться лишь с 1762 года, с указа о „вольности дворянства“, который демобилизовал российское дворянство и наполнил провинцию новым общественным элементом.

В Гетманщине же уже с начала 50-х год. началась новая эра культурного существования.—„Обычаи и образ жизни между простыми и почтеннейшими людьми за 30 лет назад, писал Шафонский в 80-х годах, были одинаковы, т. е. просты и невеликолепны. В простом народе он и по ныне таков, а между благородными и достаточными людьми несколько переменился, стал великолепнее, новый вкус и некоторое просвещение из'являющий. До 1751 г., т. е. до прибытия в Малую Россию графа К. Разумовского ни у Гетмана, ни у 10

¹⁾ Так например Лютенского (Гадячского полка) сотника Величая великорусский прапорщик Глуховского гарнизона Ярсенев в виду якобы служебной провинности сотника ударил его по щекам три раза, сказуючи: „ведаешь ли ты, что я афицер и до кого ты пришел“. Сообщение Модзальевского КС 905.

самых первейших малороссийских вельмож не было карет; ныне почти во всяком городе и уезде несколько можно оных узнать”¹⁾.

Так била в глаза разительная смена двух культурных эпох,—старой простой, крестьянской и новой роскошной европейской-буржуазной. Но эта смена проникла во все уголки жизни.

Начать с жилища. Тот же Шафонский продолжает: „Расположение и строение домов было издавна у дворян огромно, но без всяких правил, украшений и домашнего покоя: ныне хотя редко стали показываться строения и дома, которые сколько нибудь знание и вкус означают, не упоминая домов, знатным особам принадлежащих²⁾. И действительно, до середины 18 стол. дома даже зажиточной части казачества являли собой те же „хаты“ простых крестьян, только более просторные. Даже Глуховские „дворцы“ двух предпоследних Гетманов Скоропадского и Д. Апостола представляли собой ничто иное, как простую совокупность в одном дворе нескольких (У Скоропадского—3) обыкновенных крестьянских хат, каждая о 2 „светлицах“, и соединенных большими сенями с „комнатой“ в одной из светлиц, как, к слову сказать, строят еще и теперь на Украине. У Д. Апостола строение было уже кирпичное, у него было больше „этих светлиц“: 1) светлица с „комнатой“, где помещалась генеральная канцелярия, 2) светлица столовая „стены обиты блакитным сукном“, 3) крестовая 4) приемная³⁾.

С 50 годов все изменилось. Меняются гетманские „дворцы“, меняются и жилища знатных. Случайный пожар в 1748 г., уничтоживший почти весь Глухов, принудил нового Гетмана, Кир. Разумовского, заняться постройкой нового дворца. Составление плана и ведение постройки поручено было итальянским архитекторам Венероти и Бертолиати. Сам хозяин, К. Разумовский, ожидал, что этот дом, выдержаный в духе итальянской архитектуры „в М. России будет казаться великолепным“⁴⁾. Оставшись недовольным этой деревянной постройкой, оказавшейся к тому еще на нездоровом сыром месте⁵⁾) Гетман возвел еще более пышный дворец в Батурине, построенный тоже итальянскими архитекторами с лепными потолками, паркетными полами и пр., вид которого восхищал путешественников еще в 1/2 19 в.⁶⁾.

¹⁾ Шафонский § 14.

²⁾ Шафонский § 14.

³⁾ См. К. С. 98 г, т. 60 А. Л. „Гетманские дома в Глухове“.

⁴⁾ Васильчиков. Семейство Разумовских I, 216.

⁵⁾ ibi 213.

⁶⁾ Он, между прочим, вдохновил А. Толстого в его стихотв.

„Ты знаешь край, где сейм печально воды
Меж берегов осиротелых льет
Над ним дворца разрушенные своды
Густой травой давно заросший вход
Над дверью щит с Гетманской булавой.“

Сам Разумовский жил после своего низложения в „Тепловке“, в доме (в Батурине), построенном Тепловым и проданном Разумовскому. Тепловская усадьба в Батурине, по описанию 1772 г., состояла из 2-х деревянных флигелей на каменных фундаментах о 10 комнатах каждый, построенных для прислуги и „заготовленное каменное строение о 7 комнатах. При доме был „регулярный“ сад с массой фруктовых деревьев, между прочим и виноградом“ ¹⁾.

За гетманом потянулась и знать. Правда, уже некоторая забота об эстетизме в украшении своих помещений замечалась с 30-х годов. У Ханенка, напр., „изба“ была высотой в 6 арш. т. е. дом превышавший обычную крестьянскую избу, и стены этого дома были оклеены „шпалерами“, которые он покупал в СПБ. ²⁾.

В рассматриваемый период под влиянием Петербургских образцов стали строить дома со многими комнатами. Например, в доме у Палетики была отдельно столовая, отдельно „детские покои“. Стены были окрашены „олейною краскою“ и обиты обоями ³⁾. Дома выдающихся богачей уже тогда поражали своим европейским видом, архитектурой, благоустройством, своими прекрасными парками и оранжереями. Так например, М. В. Рагузинский ⁴⁾ устроил в с. В. Топале великолепный дом и около него французский сад с оранжереями. По описи 1781 г., когда эта усадьба принадлежала уже Румянцеву, там был дом, „сделанный итальянским мастером, на каменном фундаменте, с погребами каменными же, в двух этажах, о 10-ти покоях, при коем сад (был) весьма хороший, регулярно рассаженый, с трома оранжереями“ ⁵⁾. В селе Ивойтенках (Бакланской сотни Стародубского полка), принадлежащих с 1764 г. сыновьям генерального подскарбия Вас. Гудовича, был замечательный парк, описанный путешественником Фон-Гуком. Новое просторное и богатое помещение требовало и новой обстановки. „Вместо простых столов и лав (скамей) появляются претенциозные столы крашенные, обитые красной кожей, то круглые, то „угластые“, появляются, стулья, даже орехового дерева, крашенные или обитые гарусом“ „канапе стоячее, набойкою выбитое“ ⁶⁾. Стены обивались „шпалерами“, красились масляной краской и украшались картинами исторического содержания о „победе Шведской“,

1) А. Л. „Тепловка“ К. 1890.

2) Дневник Ханенка ст. 43.

3) Отрывки из семейного архива Палетики К. С. 93 стр. 526.

4). Рагузинский обладал большим состоянием, кроме Топальского имения ему принадлежало 1066 крестьянских дворов, кроме того он получил от своего брата много серебра, золота, драгоценных камней и наличными деньгами 50 тыс. руб. Лазаревский I, 404.

5) Лазаревский III, ст. 404.

6) См. описание „оставшейся наличности по умершем г. полковника Переяславском К. Сулиме, 1766 г. и „реестра дельчаго“ в часть бригадира Я. С. Сулимы 1776 г. Сулиновский архив“, ст. 107-115.

о вступлении на престол Елизаветы Петровны или портретами родственников и гетманов ¹⁾), „в рямах на холсту“.

Все это развешивалось с определенным эстетическим назначением „ради убora будынок“, как говорит Маркевич. ²⁾.

Той же цели „убора будынка“ служило устройство новых кафельных печей, для чего специально приглашались московские печники, как это сделал, напр., Я. Маркевич в своем Глуховском доме в 1765 г. ³⁾. Бывалые и видавшие свет украинские богачи поспешили сменить свои старые традиционные наряды на новые, в европейском духе. Стоит только сравнить гардеробы (по духовным завещаниям) до 50 г. и в 80 год., чтобы бросилась в глаза эта разительная европеизация в костюмах. На смену кунтушам, черкескам, плахтам, запаскам ⁴⁾ появляются новые наряды ⁵⁾.

Мужчины стали носить сюртуки и рубахи с манжетами ⁶⁾. Даже полковники носили мундиры немецкого покроя ⁷⁾. Гр. Полетика, живя в СПБ, следит за дамскими петербургскими модами и спешит выслать на Украину своей жене шляпку с перьями, запрашивает ее, нужно ли выслать гребешки, так как в Петербурге их уже не носят, „а шеньоны подвязывают лентами“ ⁸⁾. Нельзя сказать, чтобы все модное и новое нравилось; заметна осторожность в усвоении иноземного и порой критическое отношение. Так, тот же Гр. Полетика, описывая жене моды, в том числе и модные „украшенные бриллиантами башмаки“, подчеркивает их излишнюю фривольность, за что они в обществе называются: „поль сюды и посмотри“; вообще он возмущается „бешенством моды, коими я, говорят он, мерзюсь“ ⁹⁾.

Если иметь еще в виду широкое употребление драгоценных камней, золота и серебра и в одежде и в посуде, употребление фарфора и хрустала, привычку отделять серебром упряжь и, если иметь еще в виду, что все эти вещи поражали не только своей ценностью, но и вкусом, то получится полное представление не только о новшествах, но и о значительном блеске новой украинской культуры ¹⁰⁾.

¹⁾ Сулимовский архив 112 ст.

²⁾ Маркевич II, 50 ст.

³⁾ Маркевич, II, 397.

⁴⁾ Стороженк. архив, IV, 563. Список имущества, полученного дочерью бунч. тов. Л. Свечки около 1739 г.; (1748 г.) 76 ст., Сулимовский архив № 154.

⁵⁾ Сравн. Лаз, I стр. 333.

⁶⁾ См. опис. имущ. полк. суд. К. Любичевича. Лазаревский. Обозрение Румянц. описи Малороссии, стр. 545.

⁷⁾ Бантыш Каменский. Ист. М. России. III, 234-5.

⁸⁾ К. С. 93, IV, 105.

⁹⁾ К. С. 93 г. III, 516 ст.

¹⁰⁾ Об этом очень красноречиво свидетельствует реестр придан., полученного А. С. Сулимою при женитьбе на дочери Павла Скорупы М.П. 1773 г. (Мотыженский архив № 59):

Изменились также экипажи и стали более роскошными выезды знати. Широкое распространение карет уже современниками было отмечено, как знамение времени. Кареты строились поместительные, удобные, с окнами, с подушками, обитые внутри материей. В зимнее время их заменяли кибитки, так же хорошо оборудованные¹⁾

Та же печать новизны лежит и на характере развлечений украинского шляхетства. Правда, традиционное развлечение простого люда, выпивка, все еще пользовалась широким распространением, а как это, впрочем, имело место в з.-европейском и в русском обществе. Вообще это был век, когда пили и часто и много. В дневнике Маркевича постоянно упоминаются собрания, где или „были жестоко пьяны“, или было „шумно“, как выражался Ханенко, который регулярно после такого угощения лежал целый день больным „ради вчерашнего шумства“. Но наряду с этим видно, что нравы утончаются, формы общения принимают более изысканный и эстетический характер. Начать с того, что учащаются общения, в высшем „обществе“ входят в моду визиты по случаю праздников, Нового года, семейных торжеств и пр.²⁾.

„Денег серебряною монетою—4000 р.; перстень, в коем один большой алмазной камень—240 р.; перстень жолтой алмазной—160 р.; голубой шафировой з осипкою алмазною—160 р.; перстень в девяти алмазах—120 р.; перстень в восьми алмазах—80 р.; один большой алмаз в середине, а два меньших по сторонам—40 р.; серги алмазные—60 р.; бант на шею з роз—100 р.; крест з рубинами алмазной—60 р.; складень с красными яхонтами и золотыми цвиточками—100 р.; серги маленькие золотые—10 р.; кольцо золотое—6 р.; жемчугу крупного на обе руки, па шесть ниток—160 р.; жемчугу мелкого, семь ниток—60 р.; часы золотые с цепкою—240 р.

Крушка большая, вызолоченная—59 р. 20 к.; покалов з кришками, три—56 р.; подсвечников три—9 р. 20 к.; стаканов больших з кришками, вызолоченных, два—40 р. 60 к.; стаканов медовых дюжина—32 р. 60 к.; чарок водочных дюжина—30 р. 80 к.; ложок круглых столевых з апостолами пятьнадцать 88 р., гданских ложок десять—132 р.; разливных ложок две—28 р.; сахарница чайная—20 р. 80 к.; кофейник—75 р. 40 к.; молочник—24 р. 40 к.; подносов больших два—222 р.; рукомойник с тазом и милницею—210 р.; сутки столовые—156 р.; шипцов троє—16 р.; шипцов троє—44 р.; солянок две—9 р. 60 к.; ситце для чаю—3 р. 8 к.; чернильница серебряная—139 р. 60 к.; шат на образы две—54 р. 20 к.; ложечек чайных—19 р. 40 к.; гребень—12 р. 80 к.; сундуков больших

¹⁾ Сулимовский архив, ст. 107; Маркевич II, 380. Кареты были, как редкость, и раньше. Ханенко под 1733 г. упоминает о своей карете.

²⁾ „Многие посещали нас в квартире, да и я к некоторым ездил“, пишет по случаю Нового года Ханенко, 131.

Особенно часто с'езжались на „крестьбины“ и „вессиля“, для чего рассыпалось в очень изысканных выражениях приглашение, где „Мылостивого пана“ такого-то просил прибыть на свадьбу дочери его „зычлывый“, „служить готовый“ приятель.

два—10 р., в коем пара платья, белое гладкое парчевое—100 р.; штофное белое—70 р.; розовое гранитуровое, вилошено блондами—51 р.; волнистое тафтяное платье—50 р., зеленое тафтяное полосатое—30 р.; стеганая розовая кофта с юпкою—24 р.; белое шинелями (синелью) шитое платье—80 р.; шуба белая парчевая, подшила собольим мехом—100 р.; шуба ранжевая, гранитуровая, обложена собольим мехом—60 р.; мантилья парчевая, опушена собольими хвостами—33 р.; мантилья розовая гранитуровая—12 р.; юпка исподняя, сребром шитая—30 р.; передник и мантилья черная, тафтяная—8 р.; передник черной флюоровой—4 р.; папилионов четыре—20 р.; уборов з лент четыре—150 р.; мантилья черная блондовая—6 р.; косынок блондовых две—3 р.; манжет тройных, блондовых, две пары—14 р.; малых блондовых манжет две пары—4 р.; склаваж бусовой, осыпан маркасетами—50 р.; цепка к часам стальная—6 р.; серег громовых пар, в золоте—8 р.; табакерка черепаховая—12 р.; пряжок пары—8 р.; чулков шолковых три пары—9 р., башмаков шолковых, дюжина—9 р. 20 к.; занавес с одеялом и подзором, зелионая гранитуровая—115 р.; занавес белая кисейная—30 р.; кисеи для манжет 6 ар.—7 р. 80 к.; простых рубах две дюжины—34 р.; мужских рубах дюжина—29 р.; постелей галанских четыре—78 р.; простых постелей четыри—19 р.; скатердей галанских шесть и шесть дюжин салфет—96 р.; белых миткалинины юлок с кофтами четыри—24 р.; скатердей простых шесть и шесть дюжин салфет—20 р.; утиральников дюжина—4 р.; колпаков белых 12—5 р.; чулок белых бумажных дюжина—8 р.; платье полосатое кисейное, подложено розовою тафтою—24 р.; гладкого кисейного три пары—30 р.; пуховик и большая подушка пестрединова, в них меры¹ 120 ар.—6 р.; меньших подушек восемь, красной китай—4 р.; пуху 3 п.—18 р.; ковер зелионой, шолковой, в нем весу 12 ф.—48 р.; два ковры шорстяных—20 р.; зеркало уборное, оправлено серебром—15 р.; туалет красного дерева—30 р.; кровать железная—40 р.; ларчик уборной, красного дерева—5 р.; другой ларчик черного дерева, з серебряными штуками—12 р.; чашок с цветами, фарфорных 12—12 р.; белых фарфорных 12—6 р.; сервиз оловянный, в нем весу девять пудов и 32 ф., пуд по 14 р. выходит—147 р.; к нему шесть дюжин тарелок весу 2 п.—38 р.; кастрюль с крышками двенадцать, весу 45 ф., всякой по 37 к.—14 р. 80 к.; карета гданская—350 р.; берлин красный—100 р.; к онym два цуга наборных пар с красными паплиотами—150 р.; палубэв три—30 р.; хамутов простых шесть—12 р.; лошадей вороных шесть—200 р., всего 10.001 р. 33 к.“

Сравни также: Маркевич II, ст. 227; 362 и Ханенко, ст. 177.

Главным развлечением на всякого рода „банкетах“ были карточные игры и танцы ¹⁾, и реже игра в шахматы и фанты; интересно отметить, что упоминание в мемуарах о карточных играх все более возрастает по мере приближения к рассматриваемому периоду; в 30-х год. почти еще не играли. Для усиления помпезности на балах играла музыка, устраивалась иллюминация, пускали фейерверки ²⁾.

Наконец, как высшее достижение шляхетской культуры, стали заводить домашние театры ³⁾. Главным проводником всех этих культурных форм увеселений был Гетман Разумовский, принесший со своим блестящим двором, в составе которого было много французов, з.-европейские и петербургские приемы развлечений.

В летнее время увлекались (полюванням) охотой ⁴⁾, этим характерным развлечением дворянства, как Запада, так и России.

Персона магната всегда в некотором окружении. Заводят камердинеров и лядек для детей. Так, Маркевич отправил свою семью в Москву с двумя камердинерами ⁵⁾.

Так необычайностью и роскошью своего позлощенного быта, украинская аристократия поспешила отметить свой отрыв от низов, создать ежеминутные стимулы внушения простому люду почтения к своему могуществу.

Богатые и роскошные, они стремятся замкнуться в привилегированную касту, юридическим барьером оградиться от „подлости“. Они всячески домогаются российского дворянства, российских чинов и даже чинов иностранной военной службы. Как важничает, напр. Гулленко, Прилукский сотник, пожалованный в 1758 г. в „титулярные советники“ и в ранг сухопутного капитана и вообразивший уже себя настоящим „офицером“, как важничает он перед своей братией, не достигшей русских чинов. „Ведаешь де ты“, кричит Гулленко, будучи оскорблен в своих аристократических чувствах тем, что во время раздачи в церкви священником антидора, его упередил внук вдовы генерального судьи Горленка, „ведаешь де ты, что я офицер, а ты последний бездельник, никчемный дурак“ и, отпуская избитого Горленка, Гулленко для острактики прибавил: „я де и лучших стану батагом сечь, чтобы меня знали, яко я офицер“. Характерно для духа времени, что когда вызвали по этому делу свидетелей-священников, видевших эту сцену в церкви, один из них сказал, что „в то время он от болезни на обе уши был приглухован“ ⁶⁾.

¹⁾ „Был у генерала банкет при многом собрании нас и дам наших и проч. и веселились за полночь, играли и танцевали“ (Маркевич, II, 134).

²⁾ Маркевич, II, 357, 375.

³⁾ ibi 301.

⁴⁾ Маркевич, II, 240.

⁵⁾ Маркевич, II, 411 стр.

⁶⁾ Лазар., III, 139.

Так знатность, сообщаемая русским чином, высоко и властно подымала человека даже над равными в классовом отношении, но не приобщившимися к этой знатности, а тем более подымала она над социально ниже стоящими. Вот почему, так напряженно стремились добиться дипломов на российское дворянство, козыряя при этом мифической древностью рода, связями с польской шляхтою, высокими службами в Польше, а гл. обр. „верностью и радельностью“ на службах императорскому величеству, как это, например, делает в прошении на имя императрицы Стародубский, полковой обозный Павел Скорупа в 1765 г., прося „как прежнее мое дворянство подтвердить, так и вновь в рассуждении добровольного моих предков подданства, и верных всероссийскому престолу ими и мною оказанных служб по российскому дворянству с прибавлением родового моего герба дать диплом“¹⁾.

А. С. Сулима очень беспокоится, чтобы не „впасть в бесчестие“, чтоб их род не был записан в 6-ю дворянскую книгу и тем отринуты были бы доказательства на восьмисотлетнюю давность их рода; он даже не хотел попасть в 5-ю книгу для отличившихся титулов, а хотел только в 4-ю, как иностранный „род, происхождение и герб которого королем и Речью Посполитою утвержден“²⁾.

Сознание сословной чести, сословной обособленности и превосходства над всеми социально маломощными у казачьей старшины ясно было оформлено. Они жаждали от российского правительства только юридической санкции этого бытового обособления. Это нашло себе выражение в прошении 1764 г. об уравнении чинов малорусских с великорусскими и в наказах депутатам в „Комиссию“ 1767 г.. „К сожалению оказывается, что в М. России люди простонародные переменяют свое звание и присваивают себя часто по воли и желанию к знатным и благородным фамилиям,—поступок нигде не токмо не позволенный, но и не простительный. Так, в дворянство сочтены быть должны имеющие на то грамоту, по ныне на то сие достоинство сохраняющие, а достойным оного быть могут те, которые заслужили отличные государские милости, пожалованные деревнями и чинами генеральной старшины и полковника и те, которых предки в тех или других степенях старшинских от третьего рода были“³⁾.

Ко всем не входившим в круг казачьей старшины относились свысока, с презрением, как к чему то социально негодному. Так например, деверь вдовы П. Стороженка, урожденной Миницкой, женщины скромного происхождения, не только поспешил отнять все ей принадлежавшее имущество, но называл, как она пишет в жалобе

¹⁾ Сулимовский архив, 251.

²⁾ Сулимовский архив, 132.

³⁾ Наставления выборному от Малор. Коллегии в комиссии 1767 г.

императрице в 1748 г. „каналией“, ни к чему годной, сказуя „вон с нашего двора“, „мы де едино Стороженки шляхта, и за мною жена з дома Гетманского имеется“¹⁾.

Г. А. Полетика в 1782 г. очень хлопотал через своего двоюродного брата—советника русского посольства в Вене, купить для своих сыновей патент на офицерский чин какой либо иностранной армии. Герцог Бюртембергский согласен был за большие деньги дать только чин капитана или поручика, в то время, как отцу хотелось более высоких чинов. Тот же Григорий Полетика добился от австрийского императора диплома на звание дворянина Римской империи²⁾.

Это настойчивое желание войти в круг старой аристократии, быть и казаться благородным не должно вводить в заблуждение относительно психологии этого класса. Во 1-х, они еще очень грубы и из-под позолоты их внешнего быта очень часто прорывалась далеко не „рыцарская“ натура. Самые блестящие из этого общества способны на грубость, физическое насилие над всеми беспомощными, и в частности над женщинами. Н. Троцина, Сребрянский сотник, желавший узнать от матери своей мачехи и ее сестры, где мачехой (вдовой) спрятаны отцовские деньги в 1749 г., как видно из жалобы в полковую канцелярию покровителя этих женщин Стрешенца: нещадно бил этих женщин плетьми по голому телу и „по бруху“, до-прашивая о вещах и деньгах покойного А. Т. „После этих пыток над несчастными, Николай велел „залить их в железные кандалы“, от которых вскоре „в ногах черви у них уплодились“. На просьбы несчастных, чтобы он помилосердствовал и приказал, хотя бы немного, ослабить кандалы, он отвечал: „до тех пор буду вас мучить, пока вас живых черви не съедят“³⁾.

Так же и бунчук тов. Д. И. Стороженко подвергал свою жену, дочь генерального судьи Лысенка и при том без всякого основания, таким истязаниям, что обратил внимание даже тогдашнихластей. „По неведомым причинам“,—как значится в жалобе матери пострадавшей в Малор. Коллегию в 1775 г. „она претерпевала от мужа ежечасно бои и разные несносные мучения: он запирал ее в оковах в погреб, с которого от великого мучения полумертвую ее вынесли; она, будучи тирански смученою, лишена глаза, оглухла и в уме помешалась“⁴⁾. Вообще над всеми беззащитными позволительно было самое гнусное издевательство.

Примером может служить случай зверского убийства Гуленком, Прилуцким полковым сотником, некоего „эконома“ умершей бригадирши Коченовской, Фещенка, за какую то вину, как это видно из

¹⁾ Стороженки, I, 70.

²⁾ Полетика, частная переписка, К. С. 95 г. 6 ст., 241.

³⁾ См. Лазаревский III, стр. 327.

⁴⁾ Стороженки, I, 112.

гетманского донесения имп. Петру III в 1762 году: „Напав на дом Максюты с многолюдством своих людей, Гуленко перво хозяина того дому казака Максюту, жену и детей бил до смерти и едва живых оставил, а посля приказал в том же доме ломать двери у каморки, где умершой бригадирши Коченевской эконом Иван Фещенко и с ним Семен Капленко имели ночлег. Когда же те двери были выбиты, то Г-ков закричал—их бить и колоть. И сам оный Г-ков ударил Фещенка списом (копьем) прямо в рот, так что тот список проскочил нас kvозь шеи, отчего Фещенко повалился мертвым. А Г-ков, брося из рук список, вскочил в каморку, а за ним и все его помощники, и там, обнажа шпагу, уже мертвое фещенково тело колол сам Г-ков, а помощники били; вытащив из каморки тело, связали как бы живому назад руки вожьем и вытащили на двор, где также били; а Г-ков, по телу ходя, топтал и бил ногами, а вдобавок и палашем колол. Потом, за те же возжи тело Фещенка тащили до хутора его Г-кова и там Г-ков приказал руки фещенковы забить в колеса и те оборачивать, а оттуда вынув, растянуть на дереве и топорным обухом бить по рукам, что и чинено, и тем уже у мертвого тела от самого плеча руки совсем расстроены. А напоследок Г-ков и глаза вынул шпагою вон. За всем же тем, положа тело на воз, Г-ков повез его за собою и вывезя на поле, велелбросить в болоте, которое там и сыскано и в пол. Прилуцкую К-рю представлено“.

Тогдашняя знать способна была не только на жестокости, но и на доносы, обманы, насилиство. Они не прочь прихватить, что плохо лежит. Лукьян Свечка (сын Луб. полков.), богатый человек, систематично крал ценьги из Пирятинской церкви¹⁾.

С вооруженными людьми они часто совершают „наезды“ один на другого и „гвалтовно“ захватывают хлеб, сено, скот, избивают смертным боем людей, а при попытке обороныться угрожают смертью. Павел Скорупа угрожал полковому хорунжему Данченко: „ежели к нам пойдете сено обороныть, то некому завтра будет вас и поховать“²⁾). Правда, Стародубский полковник по этому делу строго наказывал Скорупе „напрасно гвалтовно грабительства и разорения не делать“, но ясно, что это было гласом вопиющего в пустыне, и подобные формы дикого и необузданного стяжания были еще очень распространены³⁾.

Все это были инстинкты, унаследованные от пережитой стадии эпохи накопления капитала. Но за всем этим в психике нового укра-

1) К. С. 905. III. „Сообщ. Модзальевского.“

2) Сулимовский архив. 231. Аналогичный случай см. ibi 243.

3) О всех этих насилиях, злоупотреблениях власти, обидах и грабительстве старшин красноречиво и доказательно свидетельствует бесчисленное количество жалоб, которыми была завалена Генеральная Войсковая Канцелярия и Малороссийская Коллегия. См. дела Ген. Войск. Канцелярии (Киевский центральный архив) №№ 1756; 4758; 5827; 4477; 7921; 5829; 7645; дела Малороссийской Коллегии №№ 5449; 5451; 5456; 5457; 10,275; 10,272; 10,264; 9855; 1883; 8525; 5442; 1174; 1123 1332 и др.

инского магнатства проглядывают и другие черты, характеризующие их с другой стороны, как представителей эпохи уже торжествующего торгового капитала.

И действительно, по всему складу своего духа, это не рыцари, а мещане. Это зачастую старательные хозяева, знающие цену деньгам, расчетливые до мелочности, люди, придерживающиеся той точки зрения, что „лучше иметь меньшие, но всегда известные барыши“, как говорил Гр. Полетика¹⁾). Выгодно жениться, добить высокий чин, разжиться—вот их идеал: идеальным женихом в их глазах был тот, кто имел „чин не последний, в обхождении порядочен и честен, имеющим не убог“²⁾.

Читая дневники современников и частую их переписку, невольно удивляешься напряженной целеустремленности к увеличению своего благосостояния. Это не сидни-белоручки. Они в неустанном движении. Они всегда раз'езжают не для того, чтобы попировать и повеселиться, пощеголять и покрасоваться, а, главным образом, в целях увеличения материального благосостояния.

Их голова постоянно занята хозяйственными соображениями, вопросами купли-продажи, заказов новых вещей, переделок старых³⁾.

Всему ведется точный счет, учитывается самый мелкий расход.

Ханенко в своем дневнике перечислил все „чаевые“, какие он давал прислуге, отметил все мелкие расходы, какие были понесены им, например, в дороге на еду и прочие „дробязги“, хотя это в общем были копеечные и даже полукопеечные расходы.

Сколько внимательной хозяйственности проявляют они в своих духовных завещаниях. Там ничего не забудут и всему найдут место: и села, и души, и блюда, и кони, кунтуши и перстни—все до последней уздечки приведено в известность, переписано, оценено и разделено между наследниками.

Даже такие интимные вещи, как приданый подарок любимой дочери, все укладывается в точный и определенный реестр с самой обстоятельной оценкой; все скреплено подписями свидетелей и начальнической печатью, в том сознании, что все жизненные акты есть ни что иное, как коммерческая сделка. При уходе от мужа жена по описи все в полном порядке снова должна получить свое. Коммерческий век и коммерческие понятия. Выгодный расчет—вот девиз этих людей, максима социального поведения. Насколько они чванливы и горды с низшими, настолько они более чем любезны с высшими. Выгодная почтительность к начальству—идеал молодого человека.

¹⁾ Переписка Полетики К. С. 93, т. IV, ст. 103.

²⁾ Любецкий архив К. С. 95, VIII, ст. 56.

³⁾ Ханенко. 443: „Шапку переделал за 30 к.“

„Притверждаем,— пишет в 1661 г. родительское назидание своему сыну Переяславский полковник Сем. Сулима, чтоб (сын) „часто пред лицем бывал фельдмаршальским, а Господь наклонит сердце магната в принятии (его) адютантом (а так же), вести себя чинно и бесспорочно“¹⁾.

Сколько угодничества выявлено было старшиной в петербургских салонах в поисках заступничества сильных мира сего. С каким удовлетворением отмечает в своем дневнике Ханенко случаи пребывания в обществе „знатных персон“. С каким благоговением рассказывает мемуарист, как прикладывались к ручке „их высочеств, ее величества“.

Люди без коммерческой совести, нравственно стойкие пред незаконными требованиями начальников, как напр. старший канцелярист Холодович, не уступавший незаконным требованиям Румянцева отдать ему деревню²⁾, такие люди были исключением и, как таковые, лишь подтверждали общее правило.

Далее, как характерная черта буржуазного духа новыхластителей украинской жизни, было сознание ценности нового светского образования и стремление к обладанию им.

С отмиранием феодальных основ жизни отмирала и старая схоластическая система образования. До рассматриваемого периода в Гетманщине существовали латинские школы средневекового типа в Киеве, Чернигове и Переяславле, где обучали богословию, философии, красноречию, латинскому и немецкому языкам.

В этих школах получило образование старшее поколение „лет за 40, писал Шафонский в 80-х годах, дворянские дети обычно обучаясь дома русской грамматике, вступали в латинские школы и, обучаясь там лет 10 и более, вступали в службу в воинскую ген-ю канцелярию и после в М. Коллегию канцеляристами“³⁾. Но для современников рассматриваемого периода схоластическая школа была уже недостаточна. Украинское шляхетство жаждало новой духовной пищи.

„Должно малороссам ту справедливость отдать, что они охотно в науки вступают, так, что не только достаточные, но и самые бедные мещанские и казачьи дети с добром воли в эти училища идут и мирским подаянием ежедневной пищи, списыванием печатных книг живут, и, терпя холод и голод и всю скучность и нужду, охотно и прилежно учатся“⁴⁾.

В виду недостаточности образовательных средств, многие богатые родители приглашали для воспитания детей иноземных учителей или отсылали в московские и петербургские школы и даже в университеты за границу.

¹⁾ Мотиженский архив, № 49.

²⁾ Об этом у Лазаревского, II, 342.

³⁾ Шафонский, § 16.

⁴⁾ Шафонский, § 16.

Такая заграничная выучка — характерное явление времени. И до этого были случаи обучения в заграничных высших школах, но только в польских: во Львове и Врацлаве. В рассматриваемый период украинское знатное юношество потянулось и в немецкие университеты. „Некоторые (из студентов Киевской Духовной Академии) на собственном своем коште, хотя и с неописуемой бедностью, соединенном для продолжения и получения высших наук ради пользы отечества отправлялись в Германию“ ¹⁾.

Там обучались сын М. Скоропадского, зять Апостола, Ив. Полетика, дети П. Скоропадского, сын Н. Ханенко Василий ²⁾. Переписка последнего с отцом является драгоценным историческим источником для характеристики этой заграничной выучки. В. Ханенко изучал математику, философские науки, историю, юриспруденцию, а также латинский и немецкий языки. „Упомянутые науки, писал сын отцу, с возможным моим прилежанием континую“ ³⁾.

Не удовлетворившись кильскими профессорами, из коих некоторые, по словам В. Ханенка, „винные и пивные дома более пильнуют, чем аудитории“, он упросил отца разрешить ему переехать для усовершенствования в науках в Иенскую Академию, славившуюся своими преподавателями ⁴⁾.

Большинство родителей удовлетворялось более скромными образовательными мерами и посыпали своих детей в Россию, в Москву ⁵⁾ и Петербург, например в Шлях. Корпус ⁶⁾, или в университет ⁷⁾.

Затруднительность и дороговизна заграничного образования (для некоторых это стоило целого состояния) ⁸⁾, принуждала многих родителей довольствоваться домашним обучением своих детей. В качестве гувернеров или учителей пользовались услугами студентов Киевской Академии, или даже иностранцев. Такая наука обходилась недорого. Так, Маркевич дал „инспектору“ своих детей за год 8 р., три пары сапогов и 2 пары чулок ⁹⁾, хотя платили и дороже.

В обязанность таких „инспекторов“ (репетиторов) обычно входило обучение детей французскому языку, географии, арифметике ¹⁰⁾, а иногда латыни, немецкому языку, политике, „чинности“ ¹¹⁾.

¹⁾ Пункты по указу 1767 года (Пожелание Киевск. Акад. в Екатерининскую Комиссию), у Лазаревского (Очерки, т. I, § 14).

²⁾ Маркевич, II, 247.

³⁾ Письмо В. Ханенко к отцу Ген. Хорун. Н. Ханенко, ст. 19.

⁴⁾ ibi, ст. 50.

⁵⁾ Маркевич своих сыновей, 411.

⁶⁾ Сулима 144, Мотыженский архив, 84.

⁷⁾ См. Любецкий архив, К. С. 95 VIII, ст. 51.

⁸⁾ К. С. 1886 г. I.

⁹⁾ Маркевич, 143.

¹⁰⁾ Маркевич, 225.

¹¹⁾ ibi 266, 399.

Очевидно, невысокий образовательный уровень своих репетиторов принуждал обращаться к услугам иностранцев.

Маркевич еще в 1748 г. просил своих знакомых, бывших за границей, приискать для его детей „информатора“, который „был бы постоянен, трезв и тих, знал бы по-французски, немецки, географию, хронику и др. сциенции, потребные детям, так же рисовать; в год ему до 100 руб.“¹⁾). Таких учителей, а еще чаще учительниц, „мадам“ приглашали из Петербурга²⁾). Так (в 1766 г.), Маркевич „с мадамою контракт заключил: учить ей по-французски и проч., за что давать ей по 30 р. за каждую дочь“³⁾), а сына пришлось отдать в Глухов к учителю латинского языка⁴⁾.

Интересно подчеркнуть реалистический характер программ домашнего образования, ударение на обучение таким утилитарным предметам, как новые языки, арифметика, география, история, даже рисование и рукоделие⁵⁾), предметы, которых под давлением аналогичных классовых интересов и духа времени требовала тогдашняя буржуазная педагогика.

Нужно также подчеркнуть тогдашнюю склонность к строгой дисциплине, даже телесным наказаниям. Сын ген. есаула С. Вуювич просит в духовном завещании относительно своих сыновей: „Ежели кто з них Петро и Данило непристойности и непослушанства и другие шалости начнет делать, то позволяю их отеческо наказывать жезлом смирения, чтоб они к науце прилежали и всяких добрых дел обучались“⁶⁾.

Неудобство и недостаточность домашней системы обучения детей толкали украинское шляхетство к мысли о создании учебного заведения нового типа. Так, в 1756 г. Н. Ханенко писал своему сыну Василию в Киль: „не можно ли там достать какого доброго учителя, чтобы сюда (в Глухов) к нам выехал и завел гимназию, который здесь собравши учеников, хоть с 10, может хорошую иметь пенсию, або з каждой персоны может получать по 3 р. в месяц“⁷⁾.

Этой идеи не суждено было сбыться. Тем не менее, действительно, через несколько лет в Глухове открылся „пансион“, организованный некоей Анной Лэянс⁸⁾). Подобный пансион существовал и в Нежине, содержимый иностранцем Штучем⁹⁾.

¹⁾ Маркевич 264.

²⁾ Любецкий архив К. С. 95, VIII, переписка Полетики К. С. 93, IV.

³⁾ Маркевич, 403.

⁴⁾ ibi 406.

⁵⁾ Смотри прогр. обуч. детей Гр. Полетики 1782 г. К. С. 95, V, 248.

⁶⁾ Лазаревский, II, 316.

⁷⁾ Лазаревский, I, 79.

⁸⁾ Сулимовский архив, № 100.

⁹⁾ Любецкий архив К. С. 95, VIII.

Наконец, как завершение всех этих образовательных стремлений украинского шляхетства, была мысль Теплова об организации в Гетманство К. Разумовского в Батурине университета (1760 г.), „в виду, как мотивировалось в проекте, склонности народа малороссийского к учению, благодаря которому Малороссияне ездят в Польшу, Германию, Рим“.¹⁾.

В 1764 г. шляхетство безрезультатно ходатайствовало перед Екатериной II об учреждении университета в Киеве и Батурине. В „наказах“ оно снова просило об учреждении университета в Переяславле, а также специального женского училища, ибо и „женский пол имеет нужду в добром воспитании“.

Результатом всех этих образовательных мероприятий украинского шляхетства была достаточная степень его образованности. Очень многие из них знали древние и новые языки и при том так хорошо, что свободно читали, писали и занимались переводами. Так, Н. Ханенко переписывался по-латыни с учителем своего сына кильским профессором²⁾. Он покупал и читал латинские книги³⁾.

Г. Полетика переводил с греческого сочинения Эпикура, издал словарь на 6 языках (русском, греческом, латинском, французском немецком, английском). При поступлении на должность переводчика при Академии Наук на испытании оказалось, по словам экзаменатора Тредьяковского, что он латинский язык „изрядно разумел“. Из новых языков знали, главным образом, французский; на французском яз. читали газеты, читали научные сочинения,⁴⁾ иногда переписывались⁵⁾ и делали заметки по-французски в своих дневниках⁶⁾, переводили с французского языка⁷⁾. Свободно также многие владели польским⁸⁾ и немецким⁹⁾ языками. У многих были библиотеки, как например, была большая библиотека у Ханенка, но особенно замечательная библиотека была у Полетики. У него собственно было две библиотеки: 1-я в несколько тысяч томов сгорела; тогда он стал собирать вторую, которая „была одна из лучших в Российском Государстве библиотек“, как он писал к президенту адмиралтейской Коллегии, „таковой не токмо ни у одного из партикулярных людей не было, но и с государственными Российскими библиотеками моя в первенстве, в редкости и древности книг превзираться могла“.

¹⁾ Чтение Моск. общ. ист. и древ. Рос. 1863 г. кн. 2, ст. 67-85.

²⁾ Ханенко, 308.

³⁾ ibi 312.

⁴⁾ ibi 305. Историю Юстиниана на фр. яз.

⁵⁾ Маркевич, 126, 250; Сулима 110.

⁶⁾ Маркевич, 238-9.

⁷⁾ Сулима, 144.

⁸⁾ Ханенко, 314.

⁹⁾ Ханенко, 334.

Новым культурным веяниям подпало лишь молодое поколение. В этот период еще только учились, а результаты выучки сказались уже в другую эпоху, творимую другим поколением. То же поколение, которое представляло собой рассматриваемую эпоху, еще училось по старому, для него характерны умственные интересы и представления старой отходящей жизни, с ее схоластической школой и церковным миросозерцанием.

Поэтому в религиозном отношении над умами безраздельно господствуют прадедовские представления. Самые образованные люди эпохи были глубоко религиозны в традиционном смысле этого слова. Были очень набожны, посещали церковь, не пропускали богослужений по большим праздникам, ежегодно говеют и терпеливо и добро-совестно исполняли эпитемии, или по сотне поклонов, читали псалтырь и ездили на поклонение к святым местам¹⁾. С большим религиозным рвением они созидали в своих селах на свои средства храмы²⁾. Правда, попадаются одиночки бунтари мысли, но это по каким то неведомым индивидуальным причинам, что не было характерным для века, и эти ласточки не делали еще весны. Так, например, Коропский сотник (Нежинского полка) Химич впал в „атеизм“, за что и был отлучен от церкви³⁾. Также и бунч. тов. Л. В. Борздна, судя по жалобе его жены в 1749 г. „от многого писания и излишнего чтения книг, в течение 8 лет в церковь не ходит и не причащается св. тайн“⁴⁾.

Лишь молодежь, побывавшая за границей, заражалась духом оппозиционной буржуазной „философии“, конечно, в самых умеренных ее формах и направлениях. Так, например, Кулябка в бытность свою за границей увлекался масонским учением, примкнул к этому ордену и оставался верным этому учению и по возвращении на родину⁵⁾.

Наконец, что касается политических настроений украинского шляхетства в рассматриваемый период, то нужно отметить в этом отношении полный разброд. С одной стороны, они хотели удержать в своих руках командные высоты власти, отстоять политическую самостоятельность Гетманщины, ссылаясь на договорные пункты Богдана Хмельницкого. Автономисты с тревогой ждали решения вопроса о существовании гетманской власти и горячо приветствовали ее восстановление. Так, по поводу состоявшегося решения о восстановлении Гетманства при Елизавете Петровне, сын Н. Ханенко, Василий, из Киля писал отцу: „Из Вашего письма уведомился, что дрожайшая наша отчизна в надежде находится, за неусыпными Вашими и других честных патриотов трудами, уже за давним временем сердечно

¹⁾ Ханенко, 192.

²⁾ Маркевич, II, 122.

³⁾ Лазаревский, II, 310.

⁴⁾ Лазаревский. „Борздна“ К. С. 87, XVIII, ст. 389.

⁵⁾ К. С. 86, кн I, Люди старой Малороссии. Лазаревский, ст. 9.

желаемую главу с своей собственной нации собрать. Сия радостная ведомость во мне вновь возбудила конечную ревность к моим начатым наукам, дабы со временем, по окончании оных, себя довольно достаточно показать к услугам такой сладкой отчизны, как честному человеку неотменно подлежит¹⁾). Лучший представитель этого шляхетства Гр. Полетика, известный своей „патриотической горячностью“, горячо протестовал против стремления русского правительства ограничить все привилегии и вольности Малой России, ввести такие учреждения, которые „правам и вольностям оным во всем противны и тем нарушить святость договоров, хранением своим делающую честь государям, утверждающую целость и благоденствие народа“²⁾.

Автономистические стремления поддерживались бестактным поведением агентов российской власти, которые третировали украинскую знать, как низшую породу людей³⁾). Теллов, например, пишет о своем зяте Неплюеве, что тот „скучал быть членом Малороссийской коллегии, сидя с дураками малороссийскими“. Поэтому украинская шляхта спешила сконструировать свой национальный бюрократический аппарат управления, увенчать его наследственной гетманской властью, чтоб развязать себе руки во внутренних делах от давлений петербургского двора и парализовать все неудобство предвыборной кампании, „партийные“ распри которой давали повод российскому правительству все глубже протягивать свои руки в Гетманщину. В целях укрепления, гетманскую власть старались окружить ореолом величия. В этом отношении характерной была помпезность обряда „коронации“ Гетмана Разумовского⁴⁾, а также организация внешнего блеска его власти, выразившегося в постройке дворцов, заведении известного придворного церемониала и окружении блестящей свитой, хотя бы на маленько подобие великого короля-Солнце⁵⁾.

Но в тоже время, украинская старшина, мечтая сохранить и укрепить свои социальные привилегии, обеспечить за собой захваченные земли и рабочие руки, освободиться от всяких налогов и повин-

¹⁾ Письмо В. Ханенка отцу, ст. 53.

²⁾ Наставление выборному от Малороссийской Коллегии в Комиссию ст. 25.

³⁾ Пример, см. Лазаревский, II, 58.

⁴⁾ П. Симоновский. Краткое описание о казацком малороссийском народе, о военных его делах, составил в 1765 г. (М. 1847 г. ст. 150 и след.).

⁵⁾ Вот состав свиты при передвижении гетмана Разумовского, согласно придворному церемониалу (1752 г.)

В генеральной канцелярии было получено требование, что „к отсутствию его ясновельможности потребно лошадей:

Под карету французскую —	10
Под две коляски спальные —	12
Господину доктору — — —	6
Господину архитекту — — —	3
Ординарцу — — — —	4
Под гардероб — — — —	3

ностей, удержать монопольное право на торговлю и промышленность¹⁾ (на подобие российского дворянства), должны были ориентироваться на помочь русской власти.

Вот почему, очутившись перед дилеммой сохранения или социальных привилегий или политической самостоятельности, украинская старшина решила пожертвовать последним. Голоса „патриотов“ все меньше стали находить отклик в сердцах представителей господствующего класса. Так, Милорадович в письме к Полетике (1781 г.) говорит о его патриотической горячности „иногда не впад“ и призывает Полетику во имя „фамилии вашей, имения и молодых лет не давать (своим смелым патриотическим поведением) безумным мечи“²⁾.

Украинская знать притихла, стала осторожной, лояльной до раболепства. Вольность Украины умирала и ее хоронили без плача и вздохания. Так, жены мужей, арестованных за ходатайство о назначении Гетмана после Разумовского, обращаясь к Румянцеву с просьбой об их освобождении, заявили: „Ваше сиятельство, нам что поп, то и батько“³⁾.

В виду такого политического настроения К. Разумовский еще в 1757 г. с полным правом мог писать Воронцову по поводу замысла украинских эмигрантов в Крыму, надеявшихся возбудить украинскую знать против России: „Нужно истребить 2-3 бездельников, которые в Крыму исстари живут и, будучи заражены старинными мыслями, по старинному пишут, рассуждают, забывают то, что Украина после того

Камердинерам — — — —	3
Тафелдекерю и муншенку —	3
Канцеляристу Фелкнеру —	3
Под питье — — — —	6
Под серебро — — — —	3
Под кофеншенскую — —	3
Помощникам — — — —	3
Под палатки, столы, стулья и под прочее —	20
Кухмистру — — — —	3
Под кухню — — — —	18
Мяснику — — — —	3
Для поваров — — — —	3
Под конюшню — — — —	10
Для лакеев, гайдуков и скороходов —	4
Эгерю — — — —	3
Под охоту — — — —	10
Для людей его высокородия	3

Итого всех лошадей 140“

Документ приведен в К. С., 1890 год. т. 23, стр. 117.

¹⁾ См. Наказы депутатам (шляхетским).

²⁾ Переписка Полетики К. С. т. 47, ст. 124.

³⁾ Маркевич, II, изд. 1759 г., ст. 410.

времени, можно сказать, что совсем переродилась, и совсем не то направление, не такие правители, не те, почитай, люди, и, следовательно, не те умы и мысли в них пребывают ¹⁾

Знать более осторожна, чем лояльна. Они боятся обмолвиться лишним словом. Полетика, например, просит жену быть осторожней в письмах ²⁾. В дневниках современников обойдены все жгучие вопросы политической жизни. Я. Маркевич нигде себя не выдает. Он бесстрастен, как летописец, и как будто говорит о давно прошедших веках. Так под 9/1 64 г. у Маркевича записано: „рано граф гетман выехал в СПБ, с которым многие и я прощались“ ³⁾, и ни слова более, а между тем, как раз в эти дни шли страстные политические борения, шла борьба за утверждение наследственной гетманской власти на Украине, что было вызовом петербургскому абсолютизму. И это не удивительно. Ведь высшим идеалом этих людей был тот человек, который и „чин имел бы не последний, и именем не убог“ ⁴⁾. Это были люди, добравшиеся до тихой пристани социального благополучия, люди, порядка и чинности, готовые богоугодить всякого, кто обеспечивал им дальнейшее житейское благополучие.

По условиям своего исторического развития Украина не успела выработать в своем социальном теле отдельного чиновничего элемента, столь характерного для общества эпохи торгового капитала. Аппарат управления страной оставался в руках землевладельческой знати.

Выступая, как носители власти, они выявили те же отрицательные черты, которые характеризуют бюрократическую систему управления государств З.-Европы и России в пору „старого режима“. В условиях украинской действительности эти негативные стороны могли принять крайне размеры. В более развитых государственных системах при наличии центральной контролирующей власти могла существовать гарантия против такого рода злоупотреблений отдельными органами власти, которые вредили организации целого. Там было злоупотребление, но это был произвол вообще господ над социально зависимыми элементами. Это было тягостно для последних и не чувствительно для первых. Государственная машина была слажена, интересы всего господствующего класса связывали анархические выступления отдельных его членов. Не то было в Гетманщине. Господствующий класс, земельная знать, еще не вполне консолидировалась, еще шла анархическая „борьба против всех“, и, по истине, как говорил Сковорода, наблюдавший эту эпоху, „человек человеку (даже из того же класса) был еще зверем“. Мало заботясь об интересах своего класса, об упрочении господства этого класса над противо-

¹⁾ Васильчиков. Семейство Разумовских т. I., ст. 210.

²⁾ К. С. 91. III, 507, отрывок из сем. арх. Полетика.

³⁾ Маркевич II, 389.

⁴⁾ Люб. Арх. 95, VIII, стр. 56.

борствующим социальным элементом, украинское магнатство, как администрация, действовало анархически, зная только свою личную выгоду, используя публичную власть, как средство увеличения личного благосостояния, удовлетворения личных интересов. Все это в обстановке общего невысокого культурного уровня принимало особенно уродливые, жестокие формы.

Самой характерной особенностью бюрократической практики „старого режима“, как известно, был административный произвол, полное игнорирование права неприкосновенности личности и имущества, „естественного права“ человека, как об’явили потерпевшие от этого произвола буржуа. И украинская администрация не отставала от своих з.-европейских и российских образцов, развивши злоупотребления своей власти до крайней степени, так что им могли бы по-завидовать и французские интенданты и русские губернаторы. Такая широта произвола на украинской почве об’яснялась отсутствием разделения власти, сосредоточием в одних руках и военного и гражданского управления, а также слабостью центральной власти, не имевшей реальной силы к сдерживанию анархических выступлений своих подчиненных. Полковники и сотники фактически являлись сатрапами в своих областях, не делая разницы между правами частного и публичного характера, и почти без всякой ответственности присваивали имущество и труд посполитых и простых казаков, с крайней жестокостью сокрушая всякое сопротивление. Пожалуй, наиболее красочным примером может служить поведение Баришевского сотника Гр. Лизакевича, как явствует это из доноса на него Иваненка (в 1748). Из обвинения видно, что 1) Лизакевич удерживал казенные деньги (6 случаев), которые он должен был выдать „обывателям по некоторым произвождениям в заплату“; 2) брал волов обывательских, „описанных под армию и содержал при своей приватной работе“ (3 случая); 3) собирал незаконные подати (8 случаев); 4) казаков и др. свободных обращал в своих подданных „таковым непристойным образом, что с людей, егда кто под нимъ жить склонится, ради того, чтобы быть в свободе от всяких указанных нарядов, то он только для вида возмет у него купчую на тот грунт, где живет, а денег не дает и употребляет в единую свою партикулярную работу, сохраняя от всех указанных нарядов“; 5) выборных казаков ставил в селах своей сотни своими шинкарями, уволив их от государственных нарядов; 6) брал в свой дом для личных и бесплатных услуг сыновей казаков, освободив их дома от нарядов и податей; 7) в военное время „за искуп“ многих выборных казаков от нарядов уводял, приняв нанятых заместителей; 8) волами казаков и свободных людей „грунт самовольно орал и в другие партикулярные мужичьи употреблял работы с принуждением и угрожением“, 9) требовал от казаков и посполитых лошадей для личных своих надобностей „також под приятели свои давая“, и осо-

бенно для провоза дров из далеких мест, от чего „многие обезлошадели и в разорение от того пришли“; 10) вместо караульной службы употреблял казаков в качестве своей личной прислуги, „чтоб ему грубы топили, коней подчищали, свиней брагою наповали и гусей поили, а на ночь, в пример каторжной работы, просо толкти определяет“, при чем над казаками „издевки происходили“, „велел бить плетьми“ и пр.; 11) „свободными ее императорского величества людьми ежедневную панщину делает на себя самого и тако их много разорил и в побег обратил“ и, наконец, 12) „при судах преbezмерные наклады на себя берет и особливо, если кто в какую вину поткнется, совсем разорит“¹⁾.

В случаях же сопротивления или жалоб со стороны обиженных, начальники принимали соответствующие меры.

Так, например, Бахмутский сотник Барановский, озлобленный на неподчинившегося его несправедливым требованиям казака Хоменка, „наслал на дом мой, жалуется Хоменко, гвалтом подданных своих до 20-ти человек; в ночное время напали они и, завязав мне назад, руки били поленами и нагайками, до Бахмача мучительски привели, оковав за шею, на быку две недели держав; а посля за ногу оковавши ж, и от 28 числа апреля сего 1750 году, держал меня по 24 июня неспускно“²⁾.

Несмотря на всю вопиющую незаконность подобных деяний начальствующих лиц, они проходили безнаказанно, так как центральная власть часто пассивала перед ними. „Хотя бы генеральная канцелярия“, свидетельствует Теплов в своем заявлении в генеральную канцелярию в 1759 г., „найстрожайшие ордера писала повторительно, сотники мало уважения на присылаемые ордера им имеют“.

Поэтому, зачастую доносы подчиненных на злоупотребления начальников оказывались не только безуспешными, но, наоборот, доносителям приходилось страдать еще более от своих обидчиков или брать назад свои обвинения и извиняться перед ними, как случилось, например, с Переяславской полковой старшиной, жаловавшейся на своего полковника С Сулиму. Дело кончилось тем, что, в конце концов, они подали в Генеральную войсковую канцелярию заявление такого рода: „просим его ясновельможности от доказательства по тому доносу нас уволить; получив помилование и будучи от их г. полковника и обозного прощены, оного нашего доносу возобновить и впредь его г. полковника доносами вредить не будем“³⁾.

Другой распространенной формой административного произвола „старого режима“ было взяточничество, об'ясняемое обычной для той эпохи недостаточностью содержания чиновников. В Гетманщине тоже

1) Мотыженский арх. № 82, ст. 151—178.

2) Лазаревский, II, стр. 264.

3) Мотыженский арх., № 41, ст. 63.

брали все сверху до низу: от гетмана до последнего канцеляриста. Об этом красноречиво свидетельствует „реестр И. Лашкевича, количества число страчено, позываючися з Рубцами, на харчи, на поклоны, купляючи сахар и проч. и на канцелярист даючи за работу“.

„Взяли, значится в реестре, вина шпанского, которое отдано Гетману, цена рублей 10. А когда в суде енералном, в Глухове, позывались, то в те поры, князю Андрею Трофимовичу (Барятинскому), с Петром Богинским анкар вина отнесли и отдали, цена рублей 20. Я, Иван Лашкевич, дал княгине Барятинской через дворецкого 35 рублей. А что члену Паску (Пассеку) поклону и дворецким князя Шаховского и князя Барятинского, по сколько рублей,—за давностью не упомню. Когда ж приехал третьим разом в Глухов, и жил не меньше времени, стратил на датки (взятки) и харчи рублей на 40“¹⁾.

13 домашних заметок „просителей“, записанных после глуховских „хождений“ в расход читаем: „на поклон г.г. канцеляристам, за челобитные и за ископиевание свидетельских документов—6 рубл.“; „дал канцеляристам судовим—2 рубли“; „дал протоколесту—5 рубл.“ и проч.

Это были мелкие доходы канцеляристов, но случались и крупные. Один „проситель“, ходивший по Глуховским к-ріям в 1748 г., записал, напр., что „дал войск. канцеляристу Василию Высоцкому готовых денег 40 рублей“, да еще „панцыр“ в 30 рубл. „кроме домашних харчей, водки, вина и вишневки“²⁾.

Очень характерно в этом отношении письмо Глуховского адвоката к А. Сулиме (1782 г.), извещающее его о делах, производящихся в генеральном суде и Малор. Коллегии, с просьбой о присылке „мздовозданий“ для судей: „Боюсь, дабы не полезным решением, будучи впредь судьи задобренными с противных сторон, не попортили бы ваших дел, и, поэтому, преградите мздовозданиями трудные и неприятные могущие быть пути. По мыслям моим на всех нужно поднести 200 р., секретарю 100 р., который довольно умен, честен и справедлив (sic!). Я, смотря по усердию судящих, буду знать, кому сколько поднести“³⁾.

Взятка проникла во все поры жизни, к ней вообще привыкли, как к неизбежному злу и на нее смотрели без предубеждения, а скорее, как на хороший тон обращения с начальством. В „нарочитые дни“, т. е. во дни праздников рождества и пасхи „обыкло есть до начальников ходити с святочным поклоном“ деньгами или „с'естными припасами“. Но и обратно, когда начальству нужно было сыскать любовь и доверие подчиненных прибегали тоже к подкупу. Так, при выборах должностных лиц, каковые de jure выбирались „воль-

¹⁾ Лазаревский, I, 411.

²⁾ Лазаревский III, 273.

³⁾ Сулимовский арх. № 95.

ными голосами“, составляли при помощи подкупа себе партии, покупали себе сторонников, при чем это недорого и обходилось, т. к. в ход пускали водку. Так, например, Стороженко, как видно из жалобы в ген. канцелярию в 1767 г. его противника Новицкого, „взяв з собою, на особенной возок, несколько ведер горелки, ездил по всей сотне селам, уповая оною, перепрашивая и уговаривая на свою сторону куренных атаманов и казаков – на подложно составленном им на якомъ писме в том, что якобы его, С—ка, желают в сотню Ичанскую сотником подписатьсь“ ¹⁾.

Вообще при выборах не интересовались истинным настроением широких масс, а претенденты, гл. обр., входили в контакт с местной старшиной, чтоб потом, так сказать, за круговой порукой эксплуатировать массы. Так было при выборах в 1667 г. сотника Корибутовской (Прилукск. полка) сотни, как это видно из жалоб гетману недовольных этими выборами. „Канцелярист генерального суда Дамбовский, не спрашивая, кого в тое сотничное звание нами избрано будет, согласясь с бывшими при умершему сотнику Ясликовскому и Левандовскому сотиною старшиною и обнадежив их быть по прежнему сотенными старшинами и содержании их в особливой своей милости, якоже они при помянутых сотниках привикли над нами нижайшими не малие издирства чинить. Едва же он Д. в с. Голюнку прибыл, не мало нас нижайших браня, называл свинарами и бражниками, сказуя: „я де вам, за неподписание рук ваших на моем выборе, не точю вкруг кожу опору, но иного в живых не оставлю“ ²⁾).

Этот случай, к слову сказать, был предлогом для Румянцева уничтожить право выбора сотников и заменить его назначением.

Выдвинувшиеся разными правдами и неправдами вверх, тащили за собой своих близких и приятелей и всякого рода просьбами, заступничеством, рекомендациями и пр. „радели родному человеку“, ³⁾ т. е. в Гетманщине процветал тот же непотизм, каким характеризуется бюрократический строй и других стран в ту пору. Одним словом, как говорит Лазаревский, „Гетманщина представляла собой поприще для всякого рода злоупотреблений власти и силы и была школой ябедников и сутяг, которых расплодилось в ней множество“ ⁴⁾.

ДУХОВЕНСТВО.

Другим привилегированным элементом в Гетманщине было духовенство. До рассматриваемого периода духовенство не представляло собой замкнутой касты и пополнялось из ряда других сословий, так

¹⁾ Лазаревский III, 222.

²⁾ Лазаревский III, 271.

³⁾ Сулимовский арх., № 171.

⁴⁾ Лазаревский. Мнение Теплова для постановления миролюбивого решения процесса М. С. Скоропадской с ее пасынком. Черниговские ведомости 1586 г. № 25.

что „духовные знатнейшие чины достались большею частью простым людям“. Несмотря на такое происхождение, духовенство отмежевалось от демократии и, как говорит Шафонский, „духовные чины имели все выгоды и преимущества шляхетству свойственные, кроме покупки недвижимого имения с 1728 г.“¹⁾.

Они принимали участие в важнейших актах государственной жизни, участвовали во всех публичных совещаниях и собраниях шляхетства. За оскорбление духовного лица полагался такой же штраф, как и за шляхтича. Они свободны были в пользовании земельными владениями, но не имели права покупки и продажи²⁾.

Все эти „выгоды и преимущества“, в сущности, относились лишь к высшему духовенству, епископам и настоятелям монастырей и покоились на том экономическом базисе, на каком покойились привилегии и казачьей старшины, т. е. на крупном землевладении, соединенном с торговой, а отчасти, и промышленной деятельностью. И в путях накопления монастыри ничем не отличались от старшины. Заимкой, пожалованием, пожертвованием, что было запрещено в 1728 г., а еще чаще насильтвенным захватом у слабого социального элемента, у крестьян³⁾ и даже при возможности у тогдашнего панства, монастыри собирали большие состояния. Как монастыри проводили освоение земель и подчинение крестьян видно из жалобы 1740 г. игумена Переяславского Михайловского монастыря на генерал-адъютанта Глебова, на якобы неправильный захват монастырских земель и „перевод и подзыв“ к себе монастырских крестьян. Спрошенные по этому делу старожилы показали: „лет 30 тому назад был (Яготинский около села Годоновки) степ от веку вольный, всяким чинам полку Переяславского рядовым казакам и посполитым людям в кошение сена, в ораню на хлеб поля, никем заборонив не бывал; где кто похощет бывало, орет и где кто похощет, сено косит“. Когда владелица соседнего хутора Годоновки „оной хуторец на монастырь Переяславский“ отказалась, то оные чернецы год на году, час от часу умножаючись и разживаючись, построили себе и другой футор, прозвываемый Лозовой Яр, да накликали себе в слободу людей на кольконацать дворов и умножили в тех футорах и слободе людей и степ от веку вольный всем, начали чернецы всем орать и косить запрещать и не допускать и бранить, но сами и своими людьми орут и сено косят и до своих футоров дальними проорали степ забирая, напрасно и неположно граничать“.

Что касается людей, которые было, собирались на монастырских землях, то им не повезло. Монастырь черезчур жестоко эксплуатиро-

1) Шафонский, стр. 25.

2) Рубан. Изъявление, стр. 23.

3) Лазаревский, II, 297, 343.

вал их, налагал „панщину и работизны тяжкие, бесперерывные, так что хлеб и одежду заработать было невозможно“. К тому же монастырский городничий Гедеон жестоко издевался над населением „беспощадно плетьми бил“, над же чай одного свидетеля „греховно насилийчинити хотел“. Все это заставило многих, как они подтверждали на суде „добраю своею волею без подзыва и перевода“ уйти из монастырских земель к соседнему владельцу Глебову.

Вообще, в отношении стяжания монахи проявили изумительную энергию, ¹⁾, переходящую прямо в простое грабительство, со всеми характерными чертами шляхетского „наезда“, как например, это проделали „чернецы Глинской пустыни, (которые) гвалтовно сенокос выкосили“ принадлежащий Я. Маркевичу ²⁾.

Крупное монастырское землевладение соединено было с мелким хозяйством того зависимого поспольства, которое сидело на монастырской земле, несло „панщину“, отбывало натуральные оброки, являвшиеся предметом торговой деятельности монастырей. Как и в светских владениях, так и в монастырях необходимым элементом были отдельные виды промышленности, главным образом, винокурение ³⁾.

Привлекая в свои стены „послушников“ и „послушниц“, соблазня, надо думать, идеей дарового содержания, монастыри имели возможность организовать их труд в форме зачаточных мануфактур и тем самым превращали монастырь с его монахами в промышленное предприятие.

Такими путями в результате составились крупные монастырские владения, как например, Густынский монастырь, обладавший свыше 3000 крестьян. Конечно, на ряду с большими монастырями были и бедные, как например, Рябцевский монастырь Стародубской полковой сотни. Бедность Рябцевского монастыря видна из его описания в 1781 г.: „Монастырь Рябцевский с трапезною церковью; дом игуменский о четырех покоях, да для монахов в одной связи четыре покоя, деревянные“ ⁴⁾.

Насильственные методы сколачивания своих земельных богатств, тяжелые формы эксплоатации своих крестьян, в общем порождали в массе населения недобрые чувства к „земным благам“ монастыря. В революционный момент жизни народа, когда спадали ореолы традиционных авторитетов, рушились вековые святыни, монастырям на ряду со светскими эксплоататорами доставалось плохо от гнева народного, как, например, это было во время Хмельницкого с Густынским монастырем, чернеццов которого „мордавали, били, а иных и в смерть убили“ ⁵⁾.

¹⁾ Мотыжинский архив № 35.

²⁾ Маркевич, II, 352.

³⁾ Лазаревский, I, 309.

⁴⁾ Лазаревский, I т., 174.

⁵⁾ Приведено у Лазаревского, III, 413.

Но и социально родственные группы, казачья старшина, косо смотрели на своих „черных“ конкурентов по захвату земель и народного труда. По мере роста торгового капитала, по мере роста ценности населенных земель, все завистливее становилась старшина, протягивая свою жадную руку к монастырским землям. Наростали, в сущности, те же настроения, которые в Западной Европе привели к реформации, т. к. к секуляризации церковных земель. „Чины монастырские, писали шляхетские депутаты своему депутату в Комиссию, занимаются делами вовсе монашескому чину не свойственными. Полезным и благопристойным признозвается освободить духовенство от сих светских упражнений, и все монашеские имения к казенным присоединить“ ¹⁾.

А если иметь еще в виду грубость нравов тогдашнего монашества, их поведение, далеко не соответствующее священническому чину, склонность к пьянству, а в пьяном виде и к кулачной расправе, то ясен станет тот невысокий авторитет, которым пользовалось монашество ²⁾.

Нужно при этом подчеркнуть, что все имущества привилегированного положения, все выгоды материального благосостояния были уделом высших монашеских чинов; младшей братии доставались лишь крохи, в виду чего со стороны низших монашеских слоев было глухое недовольство, завистливое и недоброжелательное отношение, которое, при случае, выливалось в форму тяжелых эксцессов, как об этом можно судить, например, из прошения игумена Петропавловского монастыря (Глуховскому сотнику) о присылке военной команды „для усмирения бунтующих монахов“ ³⁾.

Вообще же младшая братия должна была заискрывать пред своим начальством всякого рода угодничеством и, главным образом, взятками добиваться его расположения и милости.

„Подачки“ приходилось давать не только самому владыке, но и его келейникам, певчим, даже кучерам и поварам, как это, напри-

¹⁾ Наставление, § 11.

²⁾ Вот пример бес tactного и жестокого обращения монахов с простым людом (рабочими), как видно из донесения директора суконой Ряшковской фабрики гетману по поводу столкновения на Успенской ярмарке в Густынском монастыре в 1763 г. рабочих с монахами, не желавшими пропустить рабочих, не уплативших за проезд через плотину „ярмарочных взяток“. Когда рабочие стали убегать „опасаясь смертного убийства, а оные де законники, разбросав находящийся от монастыря в 1½ версты на реке Удаю мост, дабы Ряшковских жителей в долину не выпустить, в своих монашеских одеяниях и клобуках, пьяные, бегая с большими жертками (жердями) по ярмарку, Ряшковских обывателей и фабричных работников сискуючи, не милосердно били, и порознь отводили в тюрьмы; и тех де забралих оной игумен, забивши в большие скрипицы, при своем письме отправил в полковую Прилуцкую канцелярию з жалобами, будто би оные разбили монастырь“. Лазаревский. I, 412.

³⁾ Р. арх. 71 г. X.

мер, делал игумен Новгородсеверского монастыря Евстафий Пальмовский по отношению к Черниговскому архиерею¹⁾.

Далеко не ту картину материального благосостояния, властности представляла жизнь белого духовенства, сельских священников.

Они были бедны и принижены. Священники по социальному происхождению выходили, главным образом, из казаков, получив известный минимум соответствующего образования. Должность свою они, по старому украинскому обычаю, получали по выбору прихода, с которым заключали письменный договор, резюмирующий, как обязанности священника, так и условия его содержания и вознаграждения за исполнение треб²⁾.

Но поскольку в рассматриваемый период села оказались или в полной зависимости от помещиков или во всяком случае под их тяжелой рукой, постолько и священники фактически попадали в экономическую и правовую зависимость от пана данного села. Поэтому в рассматриваемый период самое поставление в священники, вся его деятельность зависели, главным образом, от помещика. Прекращается заключение договоров с приходом, а остаются подписки, формулирующие обязательства священника перед помещиком. Это можно видеть, например, из обязательства священника Д. Долгого при вступлении его на Кустицкий приход в 1776 г.³⁾. Подобные „расписки“, в которых священник обязывался „господам владельцам села, да прихожанам быть во всем г. владельцам снисходителен и малейше непротивен и послушлив без отмены“ были явлением обычным⁴⁾.

Посколько само материальное положение священника зависило от подачек пана, в форме ли выделения для содержания священника

1) РЕЕСТР ЗДЕРЖАННИМ ОТЦЕМ ИГУМЕНОМ В ЧЕРНИГОВЕ ДЕНГАМ:

Куплено вина отцу архимандриту Троетскому кварт четыре и 3 четвертки; каждая кварты по двадцать восемь копеек, итого денег Один рубль тридцать три коп.

Куплено вина архимандриту Елецкому кварт четыре с половиною, каждая по двадцати осьми копеек, да за пять копеек булок, итого денег рубль тридцать одна копейка.

Дано певчим большим рубль, да малым двадцать пять копеек, итого денег рубль двадцать пять копеек.

Понамарам катедральным данно копеек десять.

Куплено отцу наместнику катедрального на поклон булок за четыре копейки.

Данно конюхам архиерейским денег двадцать копеек.

Кухарам архиерейским денег двадцать копеек.

Поднесено его преосвященству отцем игуменом Паисием (сам отец Евстафий постеснялся поднести и поручил это сделать Паисию) империала в десять рублей.

На тя гсди уповах да не постыжуся в век, Павлу Семеновичу и келайнем архиерейским данно пять рублей (Труды Черниговской арх. Комиссии. VII, 1908 г., с. 180).

²⁾ Сулимовский архив, № 119.

³⁾ Сулимовский архив, № 172.

⁴⁾ См. подобн. расписку в прил. к ст. Антоновича „М. Мовчан и его записная книжка“ К. С, 85, I, 83.

земли или в форме периодических подарков хлебом, сеном и пр., постолько священник должен был признать власть пана и считаться с ней. Так, например, упомянутый Д. Долгий, бывший казак, дал подпись владельцу села Кустенцы от армии полковнику П. Г. Скорупе „з парофиянами в том, что когда я, по удостоинею меня от оного владельца и тамошних парофиян в оное село Кустенцы во священники рукоположен буду, то повинен я владельца с. Кустенцы во всем почитать и слушаться и без воли его ничего не вчинять и не уставлять“ ¹⁾.

Владельцы принуждают священников „литургии безвременно зачинять“ свидетельствуют составители „Пунктов“ Кис. дух. Академии в Екат. комиссию, „или ожидать их с литургией по то время, пока они прикажут звонить. Церкви зачиняют своими замками, а священников не допускают к священнослужению, от приходов отрещают и другие наглости и обиды причиняют; приказывают приходить к ним по литургии с просьбою неотложно“ ²⁾.

Отсюда понятно то приниженное положение, в котором очутились священники перед шляхетством. Традиционное уважение к сану рассеивается, и при случае с ними также обращаются, как и с посполитами ³⁾. Маркевич в дневнике очень эпически записывает: „поп Стефан с Гризской бит за брань и пьянство“ ⁴⁾.

Плохое материальное обеспечение священников толкало на всякие вымогательства с населения, что обращало внимание на себя тогдашних властей.

Так, Миргородский полковник Ф. Остроградский в 1751 г. заявлял Разумовскому: „Полку Миргородского некоторые старшины и многие обыватели приносят жалобу, а также и от сотенного правления, о чинимых народу священником приходским и пр. духовными чинами не малых здирствах, взятием от них за венечные памяти, за обвенчание, погребения по вымогательству денег и у некоторых имущества; а ежели кто требуемых священниками денег по нищете своей уплатить не может, таковые за обвенчание с женами своими принуждены остаться в поповской службе через год, от чего народ приходит в разорение, иные же и законного брака лишаются“.

В силу всего этого полковник ходатайствовал об установлении твердых норм платы за священнические требы для „прекращения поповских непорядков и через то следуемые народу немалые отягощения“ ⁵⁾. И действительно бывали случаи, когда несостоятельные кре-

¹⁾ Жалоба Пирятинского прот., 1739 г., приведена у Лазаревского. См. Лазаревский, III, 195.

²⁾ Маркевич, 386.

³⁾ Док. приведено в К. С. 91, IX, 492.

⁴⁾ Сулимовский арх., № 172.

⁵⁾ „Пункты“ приведены у Лазаревского. Очерки. III, § 14.

стяне, которым за погребение уплатить нечем, должны были отписывать священнику пахотные земли.

Не все священники одинаково были бедны. Бывали среди них и состоятельные лица ¹⁾. Особенно состоятельными были городские священники, обычно обладавшие своими собственными домами и усадьбами.

Положительным бытовым явлением старой украинской церковной организации было устройство при церквях „шпиталей“²⁾: приютов для бедных престарелых членов прихода, и школ, которыми руководили избираемые населением из казаков, мещан и крестьян дьяки. Учеников этих школ называли „молодиками“, хотя возраст их был очень различен и порой даже почтенен, или „мандрованными дьяками“, в виду их кочевания от школы в школу в поисках заработка. Их часто, наряду с семинаристами, приглашали в качестве репетиторов или „инспекторов“ к зажиточным шляхтичам. Обучение в сельских школах сводилось к грамоте и письму, а также к изучению часослова и псалтыря. Эти школы грамоты пользовались большой популярностью среди народных масс, поддерживались населением и имели сравнительно широкое распространение. Так, между 1740 и 48 г. г. в 7 полках их насчитывалось 866 ³⁾. Это обясняется и некоторой материальной достаточностью простого люда, если включить в это понятие и массу казаков, и остатком некоторой доли народной инициативы, не сжатой еще окончательно крепостным правом и полицейской государственностью. Наоборот, с ростом государственности, которая налагала руку на все проявления народной жизни, с ростом крепостного права в 1778 г. бытовой институт дьяков, этот источник грамотности населения, был уничтожен; к концу века приходские школы почти исчезли, в массах воцарилась безграмотность.

Сколько значительны были по тому времени успехи народной грамотности, можно судить по тому факту, что для современников не чужда была мысль о введении всеобщего обучения среди казаков, о чем думал было Лубенский полковник Ив. Кулябко с одобрения Гетмана Разумовского.

Препятствием к этому было, с одной стороны, материальная необеспеченность тогдашнего учительства—дьяков ⁴⁾, а с другой, как

¹⁾ Обозрение Румянц. описи, стр. 117.

²⁾ Количество „шпиталей“ в 1748 г. равнялось 589 (См. основа 62 V, ст. Лазаревского. О шпиталях см. труд Полтавской архивной комиссии 907 г., т. IV, ст. Мальцева).

³⁾ Павловский Приход школы в старой Малороссии К. С. 904, I.

⁴⁾ Тяжелое положение дьяков изображается в одном анонимном юмористическом стихотворении, записанном в „Ирмологии“, изд. 1757 г.

Хто хоче лиха зазнавати
Нехай иде в № дьякувати
То буде панчину в будні робити
А в субботу ходити звонити
Сала по селу прохати
І скріз за хлібом шмарувати.

следствие этого, зависимое положение их от священников, которые употребляли дьяков в качестве своих слуг, так что те не могли аккуратно нести своих обязанностей.

Киевский митрополит, по жалобе на такое явление Лубенского полковника, запретил духовенству¹⁾ пользоваться дьяками в качестве рабочей силы, но институт дьяков вообще умирал. Дело в том, что те социальные группы, из коих выходили дьяки, могли требовать возвращения их в прежнее социальное состояние и этим вносили расстройство в церковную организацию.

Поэтому духовенство старалось в дьяки проводить своих детей и образовать замкнутое духовное сословие. С этим боролась светская знать, но жизнь оказалась сильней.

ПОСПОЛЬСТВО

Все успехи шляхетской культуры, все изломы политических настроений и ориентаций шляхетства обясняются тем положением крестьян, в котором они очутились к середине XVIII века.

Крестьяне потеряли право на свои земли и оказались лишь арендаторами чужой земли. Без разрешения владельца, они не имели права распорядиться своей землей, ни продать ее, ни заложить²).

Главным источником зависимости крестьян было „пожалование“ земель вместе с сидевшими на них крестьянами в „ послушенство“ их новым владельцам. Даже ранговые маестности, в конце концов, получили характер частного владения, вместе с населявшими их крестьянами. Другим источником зависимости были захваты крестьянских земель казачьей старшиной. Наконец, крестьяне добровольно отдавали себя под протекцию магната, как светского, так еще чаще духовного, или оседали на поселение на панских землях в виду все более сокращавшихся возможностей свободной заемки земель³). Правда, до 1783 года не существовало законоположения, запрещавшего переход крестьян⁴), чем они фактически и пользовались⁵), не взирая на бдительный дозор⁶) своих владельцев. Уходя от владельцев они должны были оставлять все нажитое, заплатить за то время, которое они „во льготе“ имели и получить от владельца письменное разрешение⁷).

¹⁾ Переписка по данному вопросу между митрополитом и Л. полковником приведена в К. С. 1906 г., I.

²⁾ Рубан, XXVII.

³⁾ Обозрение Рум. описи, 711, 731.

⁴⁾ Рубан, 27.

⁵⁾ Маркевич, II, 62.

⁶⁾ Маркевич, II, 115.

⁷⁾ Рубан, XXVII.

Отдаваемые властью в „послушенство“ своим новым владельцам, крестьяне оставались далеко не послушными и часто поднимали свои, крестьянские стихийные восстания против помещиков¹⁾). Демагогическая политика российского правительства, начиная с деятельности Вениаминовской Коллегии, бередила крестьянскую душу, поддерживала уверенность в законность своих прав, в законность протеста против эксплуатации своих помещиков. Григорий Полетика свидетельствует, что „для малороссийского народа одно сие (т. е. мысль быть записанным в крепость по примеру великороссийских крестьян) воображение ужасно и несносно“²⁾). Даже у самых просвещенных помещиков отношения с крестьянами были очень натянуты. Так, например, Н. Ханенко один раз еле ушел живым от разошедшейся толпы недовольных крестьян, которые „на него порывались с дубьем“; „особенно жестоко они избили панского старосту“³⁾). Ханенко пришлось обратиться за помощью к Стародубскому полковнику, который командировал сотника „о забрании предводителей к бунтовству и разбойному нападку и присылке оных в полковую канцелярию“, что было немедленно исполнено⁴⁾). Судьба всех крестьянских движений была обычна: их быстро подавляла организованная полицейская сила. Отсюда страстное желание помещиков добиться юридической санкцией крестьянской неволи, вышибить почву для крестьянского „своевольства“, создать прочный крепостнический уклад, который, по мнению, помещиков, выгоден для самих же крестьян. „Простой народ“, писало шляхетство в своем наставлении депутату от Малороссийской Коллегии в Комиссию, „простой народ мнимым в свободе своеевольством доведен до крайнего нерадения от своей собственной лености и распутства, ибо многие оставляя свои пахотные и др. земли переходили из одного места на другое, чтобы удобнее провожать жизнь праздную и распутную, остаются на-всегда без грунтов. Сие все можно исправить одним тем, когда при чинимой ревизии, где описываются дома... единожды на-всегда утвердить, чтобы при куплях между дворянством, служившим и мещанством, всегда уже сии дворы, за кем бы они не были, должны службу дать и повинности отывать“.

Шляхетская власть давно сознавала классовую необходимость законодательного установления крепостничества и исподволь подходила к этому. Юридическим источником крепостнических вожделений шляхетства являлись Литовский Статут, не знавший крестьянской земельной собственности и свободного перехода, и правовые порядки тогдашней крепостнической Польши и, главным образом, Великороссии. Великорусские владельцы в Гетманщине были главными провод-

¹⁾ Лазаревский, II, 471-3.

²⁾ Возражение Гр. Полетики на „настав. депут. от Малор. Кол. в Комис.“ ст. 36.

³⁾ Ханенко, 217.

⁴⁾ Там же, 218.

никами идеи окончательного закрепощения крестьян.

Уже в первой половине 18 в. гетманы давали отдельным лицам права на удержание своих крестьян в своих поместьях. Правда, гет. Д. Апостол в ответ на соответствующее ходатайство старшины в „диариуше“ ген. канцелярии собственноручно написал: „тих людей, о которых просят владельцы, якие на их куплених оседают и осели грунтах, не имеют оные в свою привлекать вечность. Но подlug правы и вольностей того народа, пока живут могут отдавать повинность добровольно, а не невольно“¹⁾.

В 60-м г. К. Разумовский запретил выход крестьян без разрешения владельца. С этого времени помещик стал осаждать власть заявлениями об уходе крестьян и просьбами о возвращении „подданных“ обратно, иногда с той мотивировкой, чтоб „уплачивая за исшедших людей должны в козну деньги (владелец) имеет обиду“²⁾. Но окончательную точку над и поставил указ Екатерины II-й в 1783 г., когда Гетманщина уже внедрена была в российское крепостническое тело. Долгое отсутствие закона, возбранявшего переход крестьян, обусловливало наличие крестьян „подсусидкив“, т. е. крестьян, которые не имели ни двора, ни пахотной земли, переходили от одного владельца к другому и жили отработками³⁾. Институт „подсусидков“ был остатком старого бытового права закладничества (коммендации), остатком эпохи натурального хозяйства и преобладания частно-правовых отношений над публичными. Те частно-правовые отношения, в которые вступали „подсусидки“ к своим владельцам, были главным каналом, которым наполнялась социальная атмосфера духом крепостничества, являя собой прообраз будущей судьбы всего поспольства, представляя соблазнительную возможность отождествления материально-зависимых, но юридически свободных крестьян, с „подсусидками“. „Подсусидки“ жили кроме владельческих, также на казацких и церковных и даже крестьянских землях. Обязанностью „подсусидка“ было быть послушным своему господину „с верными услугениями“, а обязанности владельца сводились к тому, чтоб оказывать „респект“ и давать „подсусидку“ материальную помощь. „Подсусидками“ становились те крестьяне, которые отдавали себя под „протекцию пана“, с целью укрыться от общественных повинностей.

¹⁾ К. С. 91, г., VIII, 285.

²⁾ См. дело о розыске крепостных, бежавших от Пирятинского священника Якубовского. Дело Малорос. Коллегии (1771 г.) № 7911 и Киевск. центр. арх. древ. акт. Аналог. дела, см. там же №№ 7913, 1916, 1952, 7918/9.

³⁾ Шафонский, 86.

Завладев землею и трудом крестьян, собирая с крестьян натуральные платежи и притягивая их к „панщине“¹⁾ представители торгового капитала „кием“ и „плетью“ удерживали в своих руках основы своего богатства. Они судили своих крестьян, разбирали их семейные дела и подвергали наказаниям за всякого рода преступления, за хозяйствственные упущения. Маркевич предписывает economy, чтобы „непослушных мужиков наказывал и в страху держжал“²⁾.

Очевидно, массе помещиков была чужда мысль, которую высказывал Гр. Полетика: „порок истребляется не ограничением и принуждением, но просвещением и вольностью народов, с которыми приходит к нам и благонравие“³⁾.

Тяжесть крестьянского положения усугублялась от феодальной склонности украинских панов к „наездам“ в сопровождении вооруженных банд своих крестьян с целью отбить у соседа стада, захватить несобранный хлеб или просто пограбить его двор и его крестьян. То было время, когда „паны дрались, а у холопов чубы летели“⁴⁾.

Потеряв права гражданства, став об'ектом панского права, крестьянство в бытовом праве трактуется, как вещь, как часть панского владения. Крестьяне идут в раздел по духовному завещанию: их дарят⁵⁾, продают⁶⁾ и покупают⁷⁾, но не иначе, как с землей⁸⁾, хотя были случаи продажи и без земли, как видно из „купчого записа“ знач. тов. М. Криницы, который продавал „во вечное и спокойное владение крепостную бабу Т. А. отцу Н. Криницкому за цену 16 р., которую бабу, как я сам владел и в держании имел, та позволяю ему (Н. К.) жене и потомкам ею владетьечно, дать, продавать, даровать, заменить“⁹⁾.

Крепостное право, обусловленное экономическим состоянием края эпохи торгового капитализма, не вызвало у господствовавшего класса сомнения в его хозяйственном резоне и в моральности его основ. Право над крепостными рассматривается как естественное, священное право помещиков, дарованное им самим богом. Завещатель бунчуковый товарищ Кандыба, умирая в 1780 г. раздумывал над тем воздаянием, какое он получит за „употребление врученных ему от благости божией слуг, подданных и всяких имений“¹⁰⁾.

¹⁾ Крестьянские повинности обычно свод. к следующему: „Панщина“, бытова норма которой, что признавала и администрация, равнялась 1) 2 дням, хотя это далеко не всегда исполнялось; 2) натуральн. приношения хлебом, живностью и пр.; 3) денежн. повинность, которая ввиду развития товарн. хоз., начинала играть все большую роль, росла и вытесняла натур. платежи. Были еще остатки феодальных повинностей: „куничные гроши“ за позволение повенчаться.

²⁾ Маркевич, II, 140.

³⁾ Возражения Полетики на „Наставления депутату“. 41.

⁴⁾ Сулім. арх. № 155, 164.

⁵⁾ Люб. Арх. К. С. 95, III, ст. 35.

⁶⁾ Переписка Полетики К. С. 93, IV.

⁷⁾ Лазар, II, 195.

⁸⁾ Рубан., XXVII.

⁹⁾ Обозрение Румянцевской описи, 768.

¹⁰⁾ Лазаревский II, 195.

КАЗАЧЕСТВО.

Характерной особенностью социального уклада Гетманщины было существование казачества, мелкого военно-земледельческого класса, являвшегося остатками того давно пережитого европейским обществом времени, когда государство представляло собою организацию всего вооруженного народа.

Казачество составляло средний элемент между посполитами и шляхетством. От посполитых они отличались: 1) правом выбора должностных лиц, правом, являвшимся для рассматриваемого времени более памятью прошлого, чем фактом; 2) они подлежали суду старшин; 3) личная честь их была обеспечена штрафами, подобно шляхтичам и 4), наконец, они обладали правом свободного распоряжения своим имуществом и свободой промысла¹⁾.

В пору образования регулярных армий, это плохо обученное и мало дисциплинированное войско являлось, в сущности, ненужностью.

В рассматриваемый период положение казаков было печальное; институт этот являлся вырождающимся. Малоземельные, обремененные обязанностями²⁾, которые постоянно отрывали их от домашнего хозяйства, они не могли устоять под напором крупного капитала, наступавшего на них в лице их старшин, и стали сливаться с полукрепостным поспольством, теряя земли и свою личную свободу.

Старшина применяла и к своей младшей братии те же пути ограбления, что и к поспольству. Так, отдельные представители старшины, разного рода утеснениями вынуждали казаков продавать себе земли. Чтоб сломить волю упорствовавших, порой пускали в ход и водку, как видно, напр., из жалобы в Комиссию „о сочинении Генер. описи“ сына казака Федора Десятовского на бунчукового тов. Н. Горленка, который „поил отца горилкой, и к неотвратимому пьянству пристрастил, потом, взяв отца моего в свои местности, нашим грунтом напрасно завладел, моего отца при себе в услужении держал, пока он жизнь там свою окончил“³⁾.

Полковники и сотники, пользуясь своею властью, просто на-просто записывали казаков своими „подданными“, освобождая их тем самым от военной и др. государственных повинностей, и заставляли работать на себя, проделывали это даже с „боем“, о чем жаловались казаки в Комиссию „о сочин. Ген. описи“⁴⁾. Так поступил, напр. Ханенко, как

¹⁾ Рубан. Из'явление настоящего образа правления М.-России, XXVI ст.

²⁾ Обязанности эти состояли: 1) в военной службе, 2) плотнических и других работах, 3) мостовому строению, 4) в службе в полковой канцелярии на посылках и 5) в охране „колодников“.

³⁾ Обозр. Румянцевской описи, 868.

⁴⁾ Многочисленные примеры подобных актов, см. Сулим. арх. 275, Лазар. II, 476, III, 363.

видно из жалобы на него казака Булаха, жителя с Перегонской, которого Ханенко „во владение свое и подданничество и с грунтом моим отеческим ни по какой моей пред ним г. Ханенком виновности подвергнул и в свою подданническую ревизию вписал“ ¹⁾.

Зачастую урядники поступали еще проще, оставляя даже в звании казака, вместо службы публичного характера, требовали от них работ по своему хозяйству, как напр. делал полковой обозный Стародубовского полка Скорупа, судя по жалобе казака Приволенки, который жаловался, что Скорупа „через (в продолжении) пять лет употреблял меня в работизну его г. Скорупа домовую, не мало и з лошадью“ ²⁾. Еще энергичнее действовал Переяславский полковник С. Сулимы по отношению к казаку Ив. Ямаке, который жаловался в 1767 г., „что Сулима по своей власти к моей казачьей должности не допустил, а ласкал меня при смотрении его рощей быть, но когда я начал было отказываться, то он содержал меня под арестом и трикратно самого меня и сынов моих нещадно киями бил и волов забрал, гай зрубал, сена скиру и готовых 9 рублей забрал“ ³⁾.

Насколько результатны были подобные жалобы показывает судьба Гаришевского казака Стукогона, жаловавшегося на Переяславского полковника С. Сулиму в 1767 г., который за подобную жалобу „бил меня, как показал потерпевший, нещадно плетьми и содер-жал под караулом через 3 сутки, приковавши за шею. При выпуске меня принудили подписать на подпиське, что я нигде не буду о казачестве своем, ни о грунтах казачьих и прочем искать“ ⁴⁾.

Если же казаки, выведенные из терпения безрезультатностью своих заявлений и самоуправством своей старшины, самовольноправлялись с ними, то это трактовалось как „бунт“ и „самовольство“, за что полагалась быстрая и жестокая расправа, как это, напр., было с казаками с. Новаков, которые разбили в 1762 г. постройки, сооруженные на общественной земле Лубенским полковым обозным В. Кульябкою. „Их били, жаловались казаки, киями и никому меньше ста ударов не доставалось, от коего боя иных, а престарелых почти не живых и обливавшихся кровью отволокли, а инакшие от того же бою и приключившихся через оное несносных ран после того в недолгом времени и померли“ ⁵⁾.

Такая хищническая политика отдельных представителей казачьей старшины шла в разрез с интересами всего класса, поскольку это вело к ослаблению военного могущества государства. поэтому и вызы-

¹⁾ Обозр. Рум. описи, 818.

²⁾ Сулимовский арх., 252.

³⁾ Мотыженский арх., 189-190 ст.

⁴⁾ Там же, 189.

⁵⁾ Факт приведен у Мякотина. Документы по Истории крестьянства Левоб. Мајор. в XVIII в., К. С. '91, II, 313.

вало со стороны уряда меры борьбы с подобными явлениями. С этим боролся Гетман К. Разумовский. Универсалом 1754 г. было предписано „старшине не брать простых казаков на свои работизны, в поход не посыпать без очереди, налогами и взятками не отягощать, грунты не отнимать“ ¹⁾.

В условиях крайне тяжелого материального и правового положения сами казаки зачастую переставали ценить свою свободу, свое привилегированное положение, сами „добровольно“ отрекались от казачества и писались в „посполитные“, чтобы избавиться от общенонародных повинностей. Подобные явления принимали массовый характер, особенно во время войны, далеких походов, высылок на принудительные работы.

В виду этого заветным пожеланием казаков, насколько это выражалось в их наказах депутатам в Комиссию в 1767 году, было решительное запрещение старшине и духовенству захватывать и покупать казачьи грунты, привлекать их в подданство и проявлять всякого рода обиды и насилия ²⁾.

Несмотря на всю, принужденность своего положения, у казаков было сознание своей чести, своей сословной отмежеванности от „мужика“. В наказах они просят трактовать их, как „шляхетство“, „чтобы в правах и выгодах содержаны были против шляхетства“, чтобы сохранена была „казачья вольность“, выборы казачьей старшины, чтобы незыблемым оставалась их землевладение, чтобы они освобождены были от налогов, постоев и других повинностей, кроме военной, и чтобы были возвращены даже те земли, которые раньше захватила старшина, чтобы не посыпать их на „мужицкие“ работы: рубку дров и в подводы, чтобы за ними была закреплена свобода продажи продуктов их сельского хозяйства (пеньки, льна, воска, сала), в частности, право курения и продажи вина и, наконец, как венец их пожеланий, чтобы подтверждены были права выбора казачьей старшины „вольными голосами“.

Так казачество устремило свои взоры назад, в старину, пытаясь реставрировать прошлое, не сознавая того, что этому прошлому не возвратиться, что ему нет будущего, что жизнь делала казачество социальной ненужностью, что никакими усилиями права нельзя было задержать процесс вырождения казачества, его обеднения и роста экономической и политической зависимости от социально сильного шляхетства.

¹⁾ К. С., 904 к., I.

²⁾ См. депутат. наказ от казаков.

М ЕЩАНСТВО.

В виду сельско-хозяйственного характера экономической жизни страны, в виду того, что промышленность была соединена с крупным землевладением, наконец, в виду поздней колонизации Левобережья, которое стало пополняться населением с развитием крепостничества и с ростом революционного движения на Правобережье в 17 в.—Гетманщина, в общем, выглядывала деревенской страной, с очень незначительным городским элементом, с небольшим количеством городов, по своему внешнему виду, по деятельности и культурности населения мало отличавшихся от деревень, в массе которых тонули эти города.

Самыми значительными городами, имевшими, поэтому, и магистратское управление, были следующие: Киев, Чернигов, Переяслав, Н. Северск, Стародуб, Нежин, Погара, Мглин, Остер, Козелец и Полтава.

Магистрат состоял из двух коллегий: административной и судебной. Во главе магистрата стоял избираемый городским населением из природных мещан вйт, членами были бурмистры и райцы.

В их ведение входили дела городского хозяйства, полиции, торговли и суд по гражданским делам. Вторая коллегия (лавников) вела суд по уголовным делам.

Магистрат ведал всех жителей города без различия сословий, лишь бы они сидели на мещанской земле, имели дом, торговлю или ремесло. Городское хозяйство было не велико, так как главное богатство города—земля обыкновенно захватывалась казачьей старшиной. Так, например, Стародубский магистрат на запрос Ген. Канц. в 1754 г., к чему сводятся его доходы и куда они употребляются, магистрат отвечал: „Имеются при оном магистрате, важница меская (городские весы), млин меский, в котором магистрату две части, а третяя бунч. тов. Михаилу Шираю, да мелница Шармавицкая вся и Артюшковская, в которой две части магистратских, а третяя—казаков Ятченков, с которых приходов употребляемы были и употребляются в расход: лекарю городовому за силу указа главной медицинской канцелярии в жалование на месяц по 12 р., писарю майстратовому по 30 р., пшеницы по 2 четверти, ржи по 6 четвертей и подпискам магистратовым в год по 5 руб. и по 4 четверти ржи; сторожу единому в год по 3 руб. и по 4 четверти ржи, атаману единому в год по 3 руб. и по 4 четверти ржи; важничому по 7 руб., писару важничому по 6 руб., служителю важничому по 5 руб., дзенчармистру (часовому мастеру) месьюму по 10 руб. и по четверти жита. А, кроме того, покупается до магистрату свечи, бумага, сургуч, воск и на прочие расходы з тех же приходов употребляется. Что же при оном магистрате имеются на расходы магистратские два млина Газдуский и Вистриков-

ский, то такови млини ныне состоят в прорве от давних лет, на коих не точию клеток, но и ставов нет и оных ныне подчинить неким; а спрежде такови млини подчиняеми были з свободных сел мужиками, какие были при магистрате Стародубовском¹⁾.

Как ни слабо и бессильно было городское самоуправление в деле защиты интересов мещанства со стороны экономического и правового давления военнослужилого люда (даже простых казаков), все же обладание городом Магдебургским правом считалось явлением более преимущественным, чем его отсутствие. Поэтому в наказах депутатам в комиссию 1767 г. города, не обладавшие этим правом (напр., Глухов), просили об учреждении магистрата, так как без этой защиты, писали они, „население облагается военной властью поборами и от этого разбегается и закладывается“, в то время как, жители городов, обладающих Магдебургским правом, „находятся в лучшем и примерном состоянии“²⁾.

В силу почти полувекового мира, которым пользовалась страна со времени прекращения гражданской войны (если не считать ничтожных по своим размерам набегов татар на южные окраины Гетманщины), города перестали играть роль стратегических центров, и те крепости, которые составляли их неизбежную принадлежность, вокруг которых и вырос город, в рассматриваемый период окончательно обветшали и потеряли свое значение.

В описи 1781 г. земляные валы в этих крепостях характеризуются, как „обветшальные“; стены их „от древности во многих местах“ поразвались, или „так осыпались, что едва оного знаки видны“.

Обычно города по размерам были не велики: в Чернигове, напр., было около 400 дворов, в Лубнах—363, в Почепе—691 двор³⁾. По внешнему своему виду тогдашние города скорее напоминали большие села. Каменные дома почти отсутствуют, напр., в Полтаве на 1000 домов было 2—3 каменных, а также и в Кременчуге 2 каменных дома на 500 деревянных⁴⁾. Дома являются собой типичную украинскую хату, чисто выбеленную снаружи, окруженную вишневым садом. Городские улицы не были мощены, и во время дождя была опасность увязнуть в грязи⁵⁾.

Деревянные постройки представляли большую опасность в пожарном отношении. Глухов, например, между 1724—48 годами 3 раза горел и в 1748 г. совершенно выгорел, так что погорели даже архивы Генеральской канцелярии и суда.

¹⁾ Лазаревский, I, 133.

²⁾ Наказы депутатам.

³⁾ Обозрение Рум. описи, 708.

⁴⁾ Путешествие в Малороссию акад. Гильденштадта и кн. Долгорукова 1774 г. К. С. 93 т., 40 г.

⁵⁾ Путешествен. записи В. Зюева 1781/2 г., К. С. 92, II.

В качестве более значительных построек были „публичные строения“: магистрат, где он был, полковые и сотенные канцелярии, казенные соляные амбары и „партикулярные“ дома, принадлежавшие лицам местной высшей администрации и духовенства, и имевшие не меньше 3 „покоев“, а иногда 5—8—10, иногда даже построенные „на итальянский манер“ ¹⁾.

В центре города, на ярмарочной площади, возле церкви устраивались лавки, как частных купцов, так и городские, сдаваемые в аренду. Некоторые лавки стояли „порожними“ и занимались лишь время ярмарочного торга. Лавки были с „красным товаром“ (сукна, шелк, пушнина и др.) и с „мелочью“ (железо, медь, мыло); кроме этих были „мясницкие“ лавки, рыбные, бакалейные, овощные, винные погреба каменные, где можно было получить лучшие заграничные виноградные вина, но наибольшее было „шинков“, принадлежавших магистрату, помещикам и мещанам. О значительных размерах винокурения в мещанской среде свидетельствует наблюдение Пашкова над черниговскими жителями, о которых он говорит, что они „большой частью упражнялись в винокурении и шинковом промысле горячим вином“ ²⁾.

Обычно, в городах, кроме мещанства, жила „шляхта“, разночинцы, священники и церковные служители. Эта группа была очень незначительна. Большое значение составляли казаки выборные и „подпомощники“ с их „подсусидками“.

Все эти элементы пользовались выгодами городского права, но не несли городских повинностей, чем отягощали и подкашивали положение главной городской массы—мещан. Мещанство имело свои сословные права и обязанности. К правам относилось исключительное право розничной торговли, тогда как иногородним жителям разрешалось торговать только оптом. Повинности их сводились лишь к платежам от каждого дома, к квартирной повинности и к принятию мер предосторожности относительно пожаров.

Они свободно распоряжались своим имуществом, но при продаже земли казаку или шляхтичу, последние должны были нести общегородские повинности ³⁾.

Городские ремесленники организованы были в цехи, об'единявшие довольно значительное количество ремесленного люду. Цехи в рассматриваемое время, как и в старину, были связаны с церковными братствами и носили полуцерковный характер; они заботились о церкви, ее благолепии, заботились об устройстве и поддержании „шпиталей“.

¹⁾ Лазаревский. Ст. пол., 135.

²⁾ Пашков. Описание Черниговского Наместничества 1781 г., Чернигов 1868 г.

³⁾ Рубан, XXVI.

Обязанности цехмистера исполнялись по очереди, и они сменялись через год. Для ведения своих дел каждый цех имел свое особое помещение ¹⁾.

Что касается купечества, то нужно сказать, что, кроме некоторых городов Гетманщины (Киев, Нежин), оно почти отсутствует.

Причиной тому было то, что, как отмечено выше, в Гетманщине торговать имели право великороссийские купцы и помещики, казаки и даже посполитые.

Вот почему мещане в своих наказах в Комиссию 1767 г. просили об'явить их монопольным правом торговлю и промышленность в городах и запретить этим заниматься иногородним и отставным (Глуховский наказ), исключить винокурение из монопольных прав шляхетства (Черниговский наказ), не облагать их налогом, не привлекать их к государственной работе, поставкам и пр. (Чернигов).

Не трудно догадаться, что эти пожелания не были осуществлены, ибо задевали насущные права и преимущества шляхетства. Военно-землевладельческий элемент эгоистически не поступился своими правами и давил своими преимуществами зародыши буржуазного класса.

Мелкие и бедные ремесленники, задавленные нуждой, третируемые военными и чиновниками ²⁾, готовые при первом удобном случае уйти из города или заложиться за сильного человека, не могли породить особой городской культуры. По жизненному своему укладу они ничем не отличались от простого казачества с его крестьянским бытом. Если в городе встречались постройки „итальянских мастеров“, если, как свидетельствует акад. Гильденштадт в 1747 г., полтавские дамы переменили свои национальные наряды на французские, то несомненно, это относилось за счет культурных успехов шляхетства, которое имело свои дома в городе и проживало там.

Вообще же культурность тогдашнего мещанства была невысока. Они верили во всякую чертовщину, в ведьм, в бесовские действия. Вполне серьезно Стародубский магистрат наказывал сотнику следить за появлением ведьм в его округе, и тот регулярно каждый месяц докладывал в магистрат о ненахождении оных. При таком состоянии умов не удивительно, что могло возникнуть дело по доносу бун. тов. П. Латуновского в 1761 г. в Киевскую губернскую Канцелярию на одного Стародубского жителя, о том, что он, якобы, продал свою душу диаволу и заключил с ним по этому случаю договор ³⁾.

1) См. сообщение св. Богословского Чер. Вед., 18/76, № 52.

2) Полтавские мещане жалуются в наказе, что со стороны военных (великороссов) они терпят „утеснения, обиды, поругания и самые побои, тем паче, что нам за нашу обиду положили в правах небольшой платеж“.

3) См. дела Киевской Губ. Канцелярии, 1751 г., № 8793.

Для того, чтобы ярче выступило все своеобразие жизни в Гетманщине в рассматриваемый период, достаточно сравнить ее с великороссийским бытом в соответствующий период времени. Основное отличие—это экономическая отсталость Гетманщины. Торговый капитализм здесь лишь начинает развиваться, в то время, как в Великороссии он был уже в расцвете. На этой почве в Гетманщине не могла расцвести в такой мере полицейская государственность, как это было в Великороссии. В Гетманщине, естественно, мог сохраниться остаток первобытной демократии. С другой стороны, оказывали влияние политические традиции предшествующего польского периода Украинской истории со всеми „свободами“ шляхетского строя. Широкие народные массы были еще свободны, само поспольство жило в более свободных условиях, чем российское крепостное крестьянство. Классы не замкнулись в сословия; между ними есть еще диффузия, и это придает быту более демократический характер. К. Разумовский в старости, слушая народные песни, часто вспоминал, что он и сам пел ту или иную песню, „когда был хлопцем“, т. е. простым казаком. И многие из украинских вельмож ясно помнили свое скромное происхождение. Все это приносило в атмосферу общественной жизни больше свободного воздуха, больше инициативы и независимости, больше склонности к борьбе с деспотизмом частного и публичного характера. В этой атмосфере народной свободы и бюрократия не успела выродиться в самодовлеющую касту. Она часто самодурничает, но не забывает, что она должна быть избираема „вольными голосами“. Отсюд этот не умиравший автономизм, выражавшийся в отстаивании гетманской власти, отсюда „патриотическая горячность“, любовь к родине и ее культурным особенностям. Эту гордость украинского шляхетства своими политическими вольностями подчеркивает Румянцев в письме к Екатерине II. „Эти люди (украинцы) считают, что то, что у них есть, есть лучше всего; нигде нет ничего хорошего, полезного и свободного, чтоб им хотелось иметь“ (т. е. вольности Богдана Хмельницкого). Этот дух свободы наиболее смущал петербургский монархизм.

Наиболее прозорливо схватил разницу двух общественных организмов известный сподвижник Разумовского и вместе с тем агент российского престола Теплов. Доказывая в секретной „записке“ Екатерине II необходимость проведения административных реформ в Гетманщине, он демагогически указывает на все тяжелые для простого народа стороны старшинского управления и вместе с тем очень тонко подчеркивает во всем этом управлении дух вольности и республиканизма. „Все зло, пишет Теплов, происходит от долговременного сего народа от самодержавия Великороссийского отделения, и при том приобщение к польским правам, которые короли для лучшего приведения

в единство своей области вкоренили сей малороссийский народ в особливые вольности обыкновения”¹⁾.

Теплов приводит примеры этих вольностей: „1) Преступление против именных указов в России наказывается смертью,—на Украине 6 неделями тюрьмы; 2) богатства земельных недр принадлежат в России государству, на Украине—частным владельцам; 3) по Статуту, пожалованное государем, но фактически не овладеваемое теряется, чем пользуются сильные, а слабые лишаются владения; 4) побои государевых посланцев и уничтожение указов наказуется тюрьмой только на $\frac{1}{2}$ года“. Таковых примеров в статуте великое множество, из коих одни противны самодержавию государственному, другие „яко по угоднению вольному республиканскому народу постановлены, натуральному праву противны“. Особенно Теплов негодует на наличие в Литовском Статуте закона о праве выбора не только гетмана и генерального старшины, но и полковых сотников и атаманов.

Идеи Теплова легли в основу екатерининской политики по отношению к Гетманщине. В инструкции генерал-прокурору Вяземскому Екатерина II пишет: „считать провинцию (Украину) чужестранною—глупость. Нужно, чтоб они обрусили и перестали глядеть, как волки из лесу. Должно стараться, чтоб век и имя гетманов исчезло, не только бы персона какая была произведена в оное достоинство“²⁾.

Свои административные меры, уничтожившие последний остаток „вольности“ на Украине, Екатерина II мотивировала необходимостью защитить простой народ от „мучивших его маленьких тиранов“, хотя сама „Казанская помещица“ была представительницей гораздо более жестокой тирании.

¹⁾ Записки Українського наукового товариства у Київі т. IX., ст. Василенко „Теплов“, ст. 34.

²⁾ ЧТЕНИЯ В ОБЩ. ИСТ. И ДРЕВ. РОССИЙСКИХ. 1858 г., I к., ст. 104.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Хозяйственный быт Гетманщины в 50-х—80-х г.г. XVIII в.	3
Шляхетство	9
Духовенство	38
Поспольство	45
Казачество	49
Мещанство	52

11/08

